

Г.С. Эрдели

ПРОШЛОЕ ВСЕГДА РЯДОМ...

Воспоминания. Дневники

Часть IV

ПО МОЕЙ СТРАНЕ

Воронеж-2011

Эрдели Г.С. ПРОШЛОЕ ОСТАЁТСЯ С НАМИ... Воспоминания. Дневники. Книга в 4-х частях. Часть IV. По моей стране. – Воронеж: электронная версия, 2011. – 53 с.

Охраняется законом об авторском праве. Нарушение ограничений, накладываемых им на воспроизведение всей книги или любой ее части, включая оформление, преследуется в судебном порядке.

Воспоминания если не великих, то все же крупных людей, чья жизнь или творчество известны многим, имеют большую ценность и для современников и для потомков. А если это воспоминания обычных, рядовых граждан? Зачем они?

Воспоминания Г.С. Эрдели отчасти затем, чтобы внуки имели представления о её жизни, но, главное, для современников, чтобы они имели представления о времени, которое сейчас или оплёвывают, или восхваляют.

Кроме того, автору приятно, вспоминая, как бы заново пережить и в чем-то, может, переосмыслить своё детство, юность, зрелые годы... Стефан Цвейг сказал, что редко, а точнее почти никогда, в своих воспоминаниях люди бывают обнажённо откровенными. А нужно ли это? И – возможно ли?.. Важно одно, – чтобы всё было правдой, без обмана.

Правда о жизни Г.С. Эрдели – это одна из бесконечных правд человеческих жизней, но это та самая капля, без которой не может быть безбрежного моря. И это та самая правда, из которой складывается всеобщая история человечества.

Компьютерное оформление – Силкина Т.Б.

© Эрдели Г.С.

ПО МОЕЙ СТРАНЕ

Позади большая, точнее, довольно длинная жизнь. И я подумала, что стоит написать о тех местах, где побывала. Сначала озаглавила «Путешествия по России». В то время это была одна страна – Россия, Советский Союз.

Когда подсчитала, – оказалось – теперь стран стало много: Россия, Абхазия, Грузия, Азербайджан, Украина, Белоруссия, Молдавия... Но во время моих поездок это всё была одна – моя страна. Потому оставила заглавие «По моей стране».

В России я тоже «посетила» много мест: Сибирь (Тюменская область), а также Кировская, Ленинградская, Волгоградская, Липецкая, Ярославская, Орловская области, Мордовия, Башкирия, Краснодарский край, Дагестан...

Поездки условно разделила на две части. Одна – поездки к морю, другая – во все остальные места. Каждая часть – по своей хронологии, по годам. Первая поездка к морю была с детьми в Кудепсту.

ПОЕЗДКИ К МОРЮ

Рыбачий поселок Кудепста

Считаю эту поездку на юг первой, хотя очень давно, в детстве, была ещё одна – в 1939 году, когда маме дали путевку в Феодосию. И мама, со своей подругой Верой, жившей в те годы у нас, решили совершить небольшое турне по Крыму, взяв со мною меня. Об этом я писала в первой части воспоминаний. После Севастополя на теплоходе мы отправились в Ялту, затем приплыли в Феодосию, мама осталась в санатории, а я с Верой уехала под Мелитополь. Там жил её брат, и у него мы гостили, наверное, с неделю. Это тогда в Ливадии нам рабочий подарил цветок магнолии «для нюха», как он сказал. В столовой Ялты запомнились чебуреки. Порция из двух чебуреков была такая большая, что не смогли одолеть. В голодное время мы с мамой вспоминали эти чебуреки, и казалось странным, что не смогли съесть, оставили на тарелке. Не помню, почему тогда мы в море даже не окунулись, хотя стояла жаркая погода.

А купалась в море впервые в 1963 году, в Кудепсте, – рыбацкий посёлок за Адлером. Приехали мы недели на три, уж не помню, почему выбрали Кудепсту, наверное, кто-то посоветовал. Рыбачьих домики на самом берегу, метра два выше моря и пляжа. Поселились в сарайчике – с Петей, Наташей и Серёжей – одиннадцати, восьми и пяти лет. В первый же день Серёжа заболел – высокая температура поднялась после купания. Хорошо, что недалеко отдыхал врач, нашел воспаление легких. Всю ночь я давала Серёже лекарство, через каждые два часа. К утру температура спала, дня через два он стал купаться.

Дети послушные, без меня в море не заходили, хотя на пляже загорали – жили-то буквально рядом. А мне приходилось каждый день совершать прогулку в селение за продуктами. Ходила одна: очень плохая дорога – только для машин, извилистая, километра два. С рюкзаком за плечами и двумя сетками в руках приносила фрукты, мясо, готовила тут же на примусе, поглядывая на де-

тей, плескавшихся на мелком месте. Appetит у ребят был отменный. Никогда не были жадными, а тут каждый старался побольше взять себе на тарелку.

Здесь научилась печь оладушки по-грузински – мука пополам с манкой. В соседнем сарайчике и на одной кухне с нами отдыхала грузинка с ребенком из Тбилиси, она и научила: очень вкусно и питательно.

Наш отдых подходил к концу, когда приехала мама с дочкой моего брата – Олега – Галочкой (фото 1). И соблазнила поехать в Сухуми, посмотреть обезьяний питомник. Уговаривать не пришлось, все обрадовались.

Фото 1. Кудепста, 1963 г. Отдых на море. Слева направо: Петя, Галочка, моя мама, Наташа, Серёжа, я

Туда плыли на теплоходе, обратно ехали электричкой. В Сухуми стояла влажная жара, духота, может потому на меня обезьяны не произвели большого впечатления. Понравился ботанический сад. Там в оранжерее впервые увидела настоящую мимозу. Бедное растение сидело за мелкой решёткой. Известно, – если потрогать один листик мимозы, он начинает сжиматься, опускаться и передавать ощущение соседним листьям. Так очень быстро мимоза все листья опускает. Через некоторое время растение восстанавливается, но на это уходит значительно больше времени и тратится много сил. Потому, если часто трогать – мимоза погибнет. Надо ли говорить, что все хотят потрогать растение? Пришлось оградить от посетителей. К счастью, растение не чувствует обиды, думаю, если бы могло говорить, выразило бы благодарность за защиту. В тропиках обоих полушарий мимоза – обычный сорняк. Говорят, если там проходишь через заросли, раздаётся сухой шелест – у всех растений опускаются листья.

К поезду шли через рынок привокзальный. Там нас поразили громадные, очень красивые дыни. И мы решили взять побольше, тем более что стоимость была вполне по карману. С трудом я донесла дыни до вагона, и почувствовала, что мой отдых «пропал». Ноги опять заболели, и очень сильно. Едва села в вагон, пришлось сразу же лечь. Напомню, что с шестьдесят первого года у меня развивался полиартрит: очень болели суставы. Ко времени отдыха в Кудепсте стало значительно лучше, а после нагрузки ноги заболели вновь. К большому сожалению, дыни оказались невкусными – как трава. Правда, мы их все-таки съели (люблю всякую зелень), но они не стоили возвращения моей болезни.

Кажется, мы все уехали на другой, или через день, домой, в Воронеж. Как протекала моя болезнь, написано в другом месте, не буду повторяться.

В Одессе

Зимой 1966-1967 года мы с Полиной Андреевной отдыхали в Одессе. Нам дали в профкоме путевку в дом отдыха на окраине города, около моря. Мы поделили путевку на двоих: пробыли там половину срока – недели две.

Полина Андреевна вспоминает, что мы летели на двух самолетах, с пересадкой в Днепропетровске, и в каком-то из них не работало отопление, замерзали в полете. Но совсем не помню, туманно что-то вспоминается про полет, точнее – сидение в самолете. Как избирательна память!

Дом отдыха без особых удобств, но всё-таки, – отдых, и на берегу моря. Правда, пасмурно и морозно. Но – красиво. Серые волны беспокойного моря дробили лёд около берега. Волны обкатывали небольшие льдины, сбивая углы и делая их совсем круглыми. Довольно широкая прибрежная полоса белых кругов «танцевала» на воде, лишь около самого берега тянулась узкая кромка сплошного льда. Зрелище очень красивое и для нас необычное.

Не помню причину, по которой мы не побывали в знаменитом Одесском оперном театре. Распространитель билетов приезжала к нам в дом отдыха, рассказывала, что некоторые спектакли идут на русском, иные на украинском языке. Однажды, когда она приглашала кого-то из отдохавших на балет «Лебединое озеро», её спросили, на русском ли языке спектакль. И в ответ на слова: «Это же балет!», женщина сказала: «Всё равно я хочу на русском!». Осталось в памяти как анекдот. В связи с этим вспоминаю, как у нас в Воронеже много лет назад выступал известный танцор Эсамбаев. Уже не молодой, он исполнил много разных танцев, в том числе и на «бис». В конце концов, не вышел к публике на аплодисменты, ведущий сказал, что он очень извиняется, но просит извинить: очень устал. С галёрки раздался возглас: «А мы *хочем* танцев!». Вот это «*хочем*» очень выразительно, я с тех пор в определенных случаях тоже говорю «А мы *хочем!*».

В Одессе я побывала ещё раз в мае 1968 года, когда в качестве члена партийного комитета университета ездила на фестиваль самодеятельности с университетским Театром песни под руководством Каплана. Запахи цветущей белой акации, тёплые вечера... Ребята вечерами ходили по одесским улицам, пе-

ли под гитары. Особенно запомнились мелодичные «Тополя», пели и песни Каплана. Очень хотелось походить с ними, но не могла же их стеснять: слишком разный возраст. Боюсь, от меня театру было мало толку – я не лидер в таких случаях, к тому же тогда ещё не освоилась как преподаватель, и тем более партийный деятель, потому не умела налаживать контакты с руководителями Одесского университета, даже не пыталась.

В мае ходила по городу, любовалась лестницей. Она знаменательна тем, что не имеет перспективы – смотришь на неё сверху ли вниз, или снизу вверх – она одинаковой ширины и рядом, и вдаль. Такой лестницы больше нет ни в одной стране.

Наверху, на площади – памятник основателю Одессы – Дюку: место свиданий молодежи. Недалеко стоял огороженный дуб – его, как говорили одесситы, сажал Пушкин. В знаменитом театре мы побывали днём, посмотрели фойе, зал, благодаря Саше Смирнову – там работал его родственник – известный опереточный артист. Очень красивый театр.

Сочи, санаторий

В этот раз путёвку покупала через профком, целиком за свой счет (1968). По тем временам дорогая путевка – 200 рублей, санаторий четвертого санаторного управления, для довольно высокопоставленных лиц. Там отдыхали министерские работники, служащие Кремля, крупные партийные и производственные деятели. Правда, зимой, в несезонное для отпусков время, это были люди помельче, но всё же...

Говоря о стоимости, не могу удержаться, приведу несколько цифр. Тогда я получала как старший преподаватель, кандидат наук, но не имеющий десятилетнего преподавательского стажа – 280 рублей в месяц. Хлеб стоил 11 и 16 копеек буханка, масло сливочное около трех рублей килограмм, мясо на базаре – три рубля килограмм, в Москве в магазинах 1 руб. 80 коп.

В сравнении с нынешними ценами – ставка доцента четыре тысячи, путёвка в обычный санаторий: 7-10 тысяч рублей, хлеб – 10 рублей буханка, мясо 100-180 рублей килограмм (2005 год).

Итак, в самом конце октября, я уехала в Сочи. У меня случайно сохранились записи, я делала их в поезде по дороге туда и обратно. Привожу полностью.

«26.10.1968 г. За несколько часов до отъезда из Воронежа, пошёл снег. Ощущение тревоги – уезжать от детей всегда грустно и тоскливо. Это усилилось странным, необычным сочетанием снега на зелёных листьях деревьев, в темноте. Деревья как бы ошеломлены выпавшим неожиданно снегом и сознают бесполезность борьбы, безнадежность своего положения. Листья не хотят погибать, но и бороться не в силах. Тёмное, почти чёрное небо, летящий снег, ветер, но не холодно. Может, отсутствие холода делает человека не частицей происходящего, а сторонним наблюдателем. Природа служит, как бы аккомпанементом к чувствам в душе человека. По крайней мере, сейчас в моей душе.

По дороге почти везде лежал мокрый снег. А сейчас, около одиннадцати утра, на земле ещё черно, а за стеклом летят вслед вагону редкие снежинки. Бежит за мною зима, а я спешу к теплу, солнцу, морю. Убегу ли? Должна убежать!

В поезде хочется писать. Может потому, что никто и ничто – ни дела, ни люди не мешают думать. Лежишь и думаешь о «завтрашнем дне». Конечно, имею в виду не один день, а время до приезда домой. О беге времени, «завтрашнем дне» почему-то думается вдали от близких. Дома тоже, конечно, есть подобные мысли, но там из всего необъятного вычленишь какой-то, чаще всего небольшой кусок, событие. А здесь... Может, поездки полезны еще и тем, что заставляют больше, острее задумываться о пресловутом беге времени, о будущем своём и близких, и о своём участии в нём. О том, *что* в твоём будущем зависит от тебя. (А ведь очень многое зависит!) Особенно много думается о детях. Конечно, жить только одними детьми нельзя. Но если чувствовать себя ненужной для них, то жизнь как-то сразу теряет смысл. Иногда бывает так, что мы не замечаем, как нужна нам близость и нежность некоторых людей. Мы не замечаем, что радости жизни, самые разнообразные, ощущаются нами как радость просто через призму, что ли, близости с дорогими в той или иной мере (от этого зависит и степень радости) людьми.

Недостаток насыщения. Ученые показали, что для наиболее интенсивного хода фотосинтеза, некоторых других, а, возможно, и всех, процессов обмена веществ нужно, чтобы клетка испытывала некоторый недостаток насыщения водой.

Мне кажется, что так должно быть во всём. Хемингуэй говорил, что нужно писать «не выписываясь до конца», т.е. в один раз изложить не все свои мысли, оставить «затравку», которая поможет сюжету «нарасти».

У меня так получалось при работе над диссертацией. Не потому, что я знала об этом (прочитала позже), а просто из-за недостатка времени.

Вероятно некоторый недостаток насыщенности (не пресыщенности, а насыщенности) должен быть и в отношениях между людьми. В человеке, особенно в мужчинах, лежит инстинкт охотника (и если бы – лежал, а то – бегаёт, да иногда ещё и как!). Может, из-за этого нужен пресловутый недостаток, а может, по другой причине, над этим нужно подумать. И обязательно с этим считаться. Иначе – плохо. Иначе могут пропасть хорошие отношения и т.д.

Это мне напоминает проверку на практике. Жизнь, практика, покажет, что с этим нельзя не считаться. И тут нужно принимать меры. И здесь нужна хитрость. Но хитрость не низкая, а другая. Как существуют зависть белая и черная, так и хитрость. Если она направлена на то, чтобы восторжествовать над другим, использовать простодушие в своих целях, это одно. А может быть хитрость другого рода. Я с собой хитрю очень давно, почти с детства. Знаю за собой слабость: не могу делать такого, что не доставляет радость, неинтересно. Вот я и не пытаюсь заставить себя делать что-то против воли, а стараюсь найти в этом интересное. И почти всегда это удается. В любом деле можно найти интересное (более или менее).

Так нужно хитрить и в этом случае. Как-то, в бытность мою на первом курсе слушала лекции профессора Иванова. Он читал для «первоклашек ВГУ» и давал много советов. Мне запомнился один: «Не доводите ничего до пресыщения. Точнее – ни в чём не знайте пресыщения. Живите так, чтобы ни в чём не было пресыщения». Этот совет я старалась, как могла, пока что исполнять. Правда, иногда подводит отсутствие чувства меры. А точнее – не выравнивание мер. Разные они бывают. Для одних это маленькое ведёрко, для других – цистерна. У меня, наверное, в чём-то ещё больше. И стараюсь, да не могу. Слишком много мне нужно взять – всё. И отдать свою душу тоже – всю. А кому это нужно – такая тяжесть уже обуза. Но совет Сергея Васильевича мне все-таки много помог. Для чего же ещё и дают советы – в устном или письменном виде? Чтобы люди учились на чужих ошибках, ведь так? Чтобы человек становился мудрее. Но, к сожалению, далеко не всегда прочитанное в книге, увиденное в жизни, преломляется в человеке. Об этом я задумывалась ещё в детстве, когда читала Чернышевского «Что делать?». Мне казалось, – почему существуют, – неискренность, мещанство, если уже Чернышевский показал, как прекрасны в своей искренности, доверии к другому, отношения Лопухова, Кирсанова, Верочки? Позже часто приходилось задумываться над этим по разным поводам. И очень часто над чеховскими «врачами». Когда некоторые люди испытывают сильную боль, они теряют способность замечать боли других людей. И кажется им в это время, что беды других – пустое по сравнению с его бедой. И весь мир должен замереть, броситься на помощь и заниматься только болью этого человека. И человек мечется, делает больно другим и углубляет, только углубляет этим свою боль. И отпугивает окружающих»...

На этом записки в поезде заканчиваются, кроме одной, отдельно взятой мысли – «Лучше видеть мираж, чем одну пустыню, голую степь».

Здесь я хочу дополнить «повествование о хитрости». Было это примерно в те же годы. Муж в командировке, свекровь домашними делами не занималась, да, кажется, была на юге – отдыхала. А у меня трое детей маленьких, кроме меня – никого, много лекций, других забот в университете, дома, словом – «запарка», я не успевала. И в этих случаях всегда нервозность передаётся детям. Они капризничали, разговор проходил на повышенных тонах. И чувствую, что сама тоже начинаю применять повышенный тон. А это всегда плохо, дома у нас такой тон не применялся. Чувствую, что-то надо делать, но – что?

И придумала. Достала листок бумаги, разграфила его по дням недели, записала туда всех, в том числе и себя – четыре человека. Сказала: «Ребята, будем за каждый день ставить себе оценки – каждому. За повышенный тон ставим двойку. В конце недели покупаю шоколадку, плитку делим на части. Кто применял повышенный тон, шоколадки не получит. Договорились?». Дети восприняли с интересом, активно в конце дня подводили итоги, ставили всем оценки.

Думаю, мне эта шоколадка помогла не меньше, а, может, и больше, чем детям. Кажется, ни разу не пришлось применять наказание: всегда делили поровну. Но средство помогло, чуть кто-то начинал разговор раздраженным тоном, сразу все начинали *одёргивать* – «Что за тон?». Я должна была стать при-

мером, потому и не давала себе воли. В доме опять воцарился покой, что очень важно.

А теперь о санатории и времени пребывания в нём.

Мой корпус стоял на самом берегу. Комната на втором этаже с лоджией на море, на двоих. Со мной в палате уже жила буфетчица из Кремля. У неё свой круг знакомых, но мы жили неплохо, не мешали друг другу (по крайней мере, я думаю, что ей не мешала).

Условия хорошие, особенно примечательна столовая. Одна стена большого, вытянутого зала выходила на море, а противоположная – зеркальная. Полное впечатление морского окружения – будто плывём на корабле. Мне повезло с соседями по столу. Сначала там сидел один человек, представившийся начальником отдела в министерстве. Он ожидал, что его положение на меня произведёт большое впечатление. Пытался за мной поухаживать, но совершенно напрасно – мне он не показался интересным. Во всяком случае, ни о чём поговорить с ним было нельзя – скучный человек. Через два или три дня к нам присоединились ещё двое. Сосед по столу справа – инженер Ефремовского завода, где выращивали кусочки корня жень-шеня для получения целебной массы и выработки питательного крема. Биологи это называют *культурой ткани* – в стерильных условиях, на подготовленной особым образом питательной среде, в колбах выращивают клетки корня жень-шеня. Через определенное время от разросшейся ткани – группы одинаковых клеток – отделяют кусочек в новую колбу с питательной средой, из основной массы клеток извлекают целебные вещества. Для изготовления лекарства целебных веществ маловато, а для косметических целей – вполне достаточно. Важно, что рост ткани идёт значительно скорее, чем растёт жень-шень в природных условиях. Не знаю, работает ли этот завод сейчас? Приятный, серьезный, не очень разговорчивый человек, не запомнила его имени.

Визави оказался управляющий крупной нефтяной компанией из Уфы: Се-рафим Николаевич, фамилии не знаю. Человек очень интересный, умный и интеллигентный. Ленинградец, после окончания учёбы уехал по направлению в Уфу, там и остался. Высокий, крупный, но не полный, с седоватой шевелюрой, светлыми глазами, прекрасный партнёр по танцам. По вечерам танцы в специальном зале несколько вечеров в неделю были под запись, а несколько вечеров играл эстрадный оркестр. Тогда часто исполняли модную песню «Лада». Самое замечательное в зале – паркетный, совершенно зеркальный – пол. Танцевать одно удовольствие, но ходить по нему невозможно – очень скользко. Открытые двери на лоджию и море помогали преодолевать духоту: несмотря на множество людей, воздух свежий и приятный – морской.

Танцующих много, но немало и тех, кто наблюдал за танцами, особенно с открытой морю лоджии. Среди них сидел в кресле старый и толстый Булганин. Около него молодые люди – охрана. Мне его было жаль, мне казалось, что он хороший человек и в свое время с ним поступили несправедливо. Потому подошла, сказала, что его в народе хорошо помнят, пригласила танцевать. Ну, танцевать, конечно, он и не смог бы, уже стал дряхлым, но мне хотелось его чем-то порадовать. Хотя, наверное, как теперь думаю, вряд ли радостно ощу-

щать себя немощным. Он вежливо поблагодарил, отказался. Молодые люди – охрана, – когда я подходила к нему, сначала посмотрели несколько опасливо

А с моим соседом по столу мы «раздоказывали» каждый вечер, за очень редким исключением (если танцев не было). Танцы я любила, но никогда, ни до, ни после, от танцев такого удовольствия не получала. Надо сказать, я плохо себя чувствую в роли партнёрши – скованно и непослушно. Больше люблю (любила) сама водить в вальсе. А здесь почему-то полностью с удовольствием подчинялась.

Приехала я в санаторий очень усталая, с пониженным давлением и честно выполняла все предписания, в том числе после обеда днем спала. Потом шла в бассейн, в море вода стала уже прохладной. Бассейн общий для мужчин и женщин, только раздевалки с двух разных сторон. В бассейне меня уже ждал сосед по столу. Мы вместе плавали, он научил меня плавать на спине. Вечером – танцы, я ложилась спать не поздно, наверное, часов в одиннадцать – сразу после танцев.

Однажды мы с Серафимом Николаевичем сделали вылазку, – побывали в городе. В филармонии выступал Могилевский – третий концерт для фортепиано с оркестром Рахманинова. Мне больше нравится второй концерт, его не могу слушать без слёз, но и третий – прекрасен. До санатория доехали на такси, а по территории надо было довольно далеко идти пешком. Мой спутник шёл очень быстро, почти бежал, а мне хотелось бы идти помедленнее, под впечатлением прослушанной музыки. Кстати, он как-то рассказывал, что научился играть на рояле уже в сорок лет (тогда ему было пятьдесят пять), и даже играл Скрябина, а это очень трудная музыка...

Погода все дни стояла прекрасная – тепло, несмотря на ноябрь, лишь однажды вечером слегка стал накрапывать мелкий дождик. В этот вечер мне было грустно, я шла по саду, редкие капли дождя на листьях блестели, освещённые фонарями. Листья тихо покачивались под падающими каплями. Вот тогда и родились «Капли»: «Самое удивительное вещество на нашей планете – вода. И не только потому, что без воды нет жизни. Вода удивительно может действовать на человека: завораживая блеском моря, журчанием ручейка, успокаивать и бодрить. И не только море, река, ручеёк, даже – капли... Капли дождя. Хорошо в саду слышать мерный звук удара при их падении, тихий шорох листьев. Приглядитесь внимательно – сохранившие форму капли, как линзы – собирают блеск огней и растворяют в нём горечь, разочарование, боль...». Так я почувствовала тогда. И потом уже, в Воронеже, родилось продолжение: «Капли росы. Они появляются на рассвете как обещание погожего дня, и заряжают нас радостью. Откуда такая сила? Может, это энергия солнца, рассеянная в росинках, передается нам? А, может, сила капель росы в их незамутнённой чистоте? Вода дает и жизнь, и радость. Это – случайность?».

Незадолго перед моим отъездом в санаторий произошло первое серьёзное расхождение с Кронидом. И впервые я выдержала характер, точнее, перестала всё прощать. Уехала и ничего ему не писала – только Наташе.

Все дни, как уже сказала, было тепло, солнечно. Нежные краски моря, неба, кипарисы... Любовалась южной красотой, и было удивительное ощущение

нежности. Отсюда я привезла и «Сочи»: «Сочи. Лазурное небо и – нежность. Нежность во всем – в сочетании красок, ласковом солнце и трепетном море, в воздухе и моем сердце... Я всё возьму с собой в Воронеж. Я увезу с собою звуки пианино, и луч прожектора, светивший в темном зале... Я всё возьму с собою навсегда».

На другом берегу уже *заграница*, потому по морю непрерывно скользил луч прожектора, в тёмном зале кто-то тихо наигрывал мелодию на пианино... Всё это, действительно, помнится и сейчас.

А однажды плавала на теплоходе. Кажется, назывался он «Абхазия». Помню, на «Абхазии» плавала в 1939 году, с мамой и Верой. Сегодня в плавании была с коллегой, который приехал в санаторий раньше меня на неделю. Сидели мы в баре и распили бутылочку сухого вина Псоу – по названию реки около Сочи. Очень приятное вино, и, конечно, особенно приятный спутник – Владимир Васильевич.

За неделю до отъезда моей соседкой по палате стала девушка Клава, не помню, где она работала, только запомнилось, что у неё что-то было неблагополучно в жизни, и она упорно боролась с плохим настроением (мягко говоря). Теперь я много времени проводила с ней, но бассейн и танцы не пропускала. А после танцев ходили гулять втроем.

22.11.1968 г. Ростов, вокзал. (Записки после пребывания в санатории, – возвращаясь домой).

«После зелёного, с цветущими розами, мушмулой, югом – Сочи, где еще вчера ходила в платье, Ростов кажется особенно хмурым и неприглядным. Замерзшая вода на улицах и стенке вагона, холодный ветер, грязные тротуары. Самое мрачное впечатление оставляют замёрзшие сухие листья на деревьях. Зима со снегом естественна и даже радостна, как сон после напряженного дня, как отдых. Зимой всё видится в особом, поэтическом свете. Но холод, мороз без снега, с сухими зелёными листьями, шелестящими на ветру, это как безвременная гибель.

Ростов напомнил о встрече. Что ждёт меня дома? Тот же холодный взгляд? Не помню ни одного своего возвращения домой, чтобы чувствовала, что меня там ждут, и мне рады. Конечно, ребята рады. И то – уже у Пети, который сейчас всё берёт от отца, тоже появляется равнодушие. Неужели это будет и у других? Всегда первое впечатление холода от возвращения. Так было и после операций, и после больницы, и после командировок и поездок в санатории.

Как печально, что когда жизнь уже кончается, узнаешь истину (постигаешь) о том, что мужчина должен *добиваться* женщины. Только взятое с боем, с трудом, дорого и желанно. Женщина должна давать ласку как милость, тогда это ценится. С моим характером это вообще, наверное, невозможно.

Серафим Николаевич спросил, почему я сдружилась с Клавой (с которой стала жить в одной палате), мы совсем не похожи. Я не смогла сразу ответить. Но, кажется, потому, что она незащищённая и внутри израненная. Меня трогают такие люди, хочется, чтобы они были счастливы. Не могу видеть несчастных, так хочется заставить их увидеть солнце, небо – жизнь. Счастье всюду – «...может быть оно вот этот сад осенний за сараем, иль воздух, льющийся в ок-

но...». Эти бунинские строчки очень хороши и понятны. Ведь жизнь сама по себе – счастье! И нужно это чувствовать всегда, особенно, когда тяжело на душе. К сожалению, бывает это часто.

За месяц я почувствовала себя женщиной. Не в плохом смысле этого слова, а в смысле гордости нашей. Такая мелочь, как уступают дорогу, место и т.п., просто потому, что ты – женщина, – как-то – поднимает. Может потому, что не так много в своей жизни видела внимания, заботы (когда стала взрослой и вышла замуж), больше сама привыкла заботиться.

И ещё хорошо (не то слово, но не подберу сейчас нужного), что я почувствовала, что вообще-то я неплохой человек, есть из-за чего держать себя с чувством достоинства. И есть за что меня любить. И что ещё могу нравиться. На уровне «министерского санатория» чувствовала, что нравлюсь, не в плохом смысле этого слова.

За этот месяц увидела интересных людей, и они ко мне хорошо относились. На юге согрелась и в буквальном, и в переносном смысле слова. Точнее – прогрелась. И теперь ни ростовский, ни родной мне климат, морозы, не сразу смогут заохолдить, заставить меня озябнуть. Душевный «загар» помешает. Очень хочется работать, очень хочется делать опыты, читать литературу, думать – работать! Это ведь тоже большое счастье. Не пишу о ребятах, – не могу, это слишком много, слишком важно и дорого. Это самое-самое главное в жизни, для чего нужно набираться сил и здоровья и всего».

Поездка в Нафталан

Строго говоря, эта поездка «затесалась» к морским. Море видела только проездом через Баку. Сам Нафталан от моря далеко. Но, поскольку в Баку была около моря, считаю вправе написать про эту поездку здесь.

Мне дали санаторную путевку в Нафталан. Ехать поездом, станция между Баку и Тбилиси на половине пути, от станции автобус несколько километров везёт в санаторий. Уезжала ночью первого января, поезд отправлялся где-то около часа. Новый, 1970 год, мы с Кронидом встречали у Полины Андреевны. Успели проводить старый, выпили за новый, и побежали к троллейбусу, ехать на вокзал. Как и ожидалось, едва успела войти в вагон, – поезд тронулся. А Кронид с Полиной Андреевной вернулись ещё праздновать.

Из Баку в Тбилиси поезд отправлялся скоро, я не успела походить по городу.

Санаторий славился своей лечебной жидкостью – сметанообразной коричневой массой. Её называют «нафта», лечебные свойства известны с древних времен. Но санаторий отнюдь не фешенебельный. Палаты на 5-6 человек, удобства на этаже. Постельное бельё и полотенца чистые, но желтоватые от лечебной массы – её очень трудно отмыть даже с тела.

Не помню лечившихся мужчин, может, они жили в другом корпусе или в другие дни. Женщины лечились от бесплодия, кожных заболеваний, лечили, как и я – суставы, в разных отделениях. Тёплая ванна минут на 15, сменялась через 2-3 человека. Потому старалась подгадать в очереди, чтобы получить свежую жидкость.

В санатории биохимическая лаборатория только создавалась, опытных лаборантов по анализу содержания в крови аминокислот еще не было – учились.

Потому у меня кровь из вены не брали. Надо сказать, когда я уезжала, Дмитрий Петрович, наш доцент, поучал: «Скажите, что вы доцент. Вы старший преподаватель, это всё равно, что доцент, но веса у доцента больше. Не стесняйтесь».

Молодой врач, принимая меня, спрашивал, чем занимаюсь, кто я. Я сказала, что работаю на кафедре физиологии растений, помня наставления, назвалась доцентом, но не выдержала, сказала, что – старший преподаватель. Вот это меня и спасло от укола в вену. Мой врач привел меня в лабораторию, они показали, как коллеге, оборудование, и как *старшему преподавателю*, признались, что пока ещё у них анализ не получается, они не будут меня мучить – брать кровь из вены. «Старший преподаватель» – для них звучал солиднее, чем доцент.

Лечились зимой обычные люди, не высокопоставленные. Были несколько грузинок, видно, из села, не знали русский язык. Были со всей России – учительницы, работницы фабрик, бухгалтерии... В нашей палате на пять или шесть человек, жили колхозницы. Больше запомнился бухгалтер – молодая женщина – красивая, умная, мы с ней почти всё время проводили вместе. Заходили однажды в чайхану. Женщинам туда ходить не принято, но вдвоем не страшно, зато – интересно. Налили нам в пиалы чай, а на столике стояли сахарницы с мелко наколотым сахаром – бери, сколько хочешь: чай вприкуску.

Были экскурсии: в Гянджу и в горы. Гянджа не произвела большого впечатления, запомнился мусор на дорогах – летом, наверное, издавал неприятный запах. В магазинчике сувениров купила маленький глиняный кувшинчик, он жив и сейчас.

Погода не дала получить много впечатлений от экскурсии в горы. В автобусе нас повезли в горное село, где гостеприимные хозяева угощали за столом чачей, картошкой, чем-то еще. Было очень интересно попробовать чачу. Оказалось – самогон, совсем не вкусный. К сожалению, в горах стоял густой туман, потому кроме дороги перед собой ничего не было видно.

Санаторий на ровном месте, селения не очень близко, но к нам приходили на рыночек женщины: продавать свежую редиску, зелень. Уже не молодые, примечательно, что без пальто, накрытые большим тёплым платком до и ниже колен. Здесь зимовали наши грачи – ходили степенно по ровной жёлтой земле без растений. Рядом несколько четырехэтажных домов – в них жил обслуживающий персонал.

Говорили, что очень интересуются иностранцы этим местом, просят дать им в аренду, за что они построят современные корпуса – привлекут богатых клиентов. Тогда наши не соглашались: «Им дай, они выкачают всю нефть, нам ничего не останется. Ничего, построим сами». Не знаю, как у них сейчас.

Запомнился свежий, весенний воздух – это у нас в январе снег и мороз.

На обратном пути можно было ехать через Тбилиси или через Баку. Почему-то мне показалось привлекательнее ехать через столицу Азербайджана. В Баку я пробыла почти весь день, о чем потом сделала записи, их и привожу.

«Город, где жизнь современная и один шаг в сказки Шехерезады. Узенькая улочка старого города, о старине говорит и её ширина – полтора-два метра. И вдруг, буквально в двадцати шагах, – маленькая лавка антиквара. Продавец древностей! Окно лавки выходит на улицу, сбоку маленькая дверь, комната, заставленная разной утварью, увешанная картинками и вырезками из газет – реклама. Большая фотография-портрет старика антиквара, выполненная очень художественно. Здесь есть и старинные медные кувшины, и чаши из глины, найденные при раскопках в Мингичауре, и корона молодых, а также украшенный серебряными пластинками со сложной резьбой, пояс девушки. Пояс, который жених обязательно должен подарить невесте, иначе ей не принадлежать этому человеку.

О короне молодых мне рассказал антиквар. Корону молодые могли одевать первые три дня после свадьбы. В это время все слушались носителей короны во всём, их нельзя было обижать. Даже царь не мог в эти дни казнить её или его, хотя они казнь заслужили. А через три дня начиналась их обычная жизнь.

И тут же в этой лавочке вполне современные вещи – поломанные краны от водопровода, медали и всякая мелочь. Думаю, настоящей старины очень мало, если вообще она была. Но выглядело всё вполне заманчиво.

Рядом с лавочкой дворец шаха, строение XV века. Здесь судилище, дворец, мечеть, баня, минарет, мавзолей ученого. И дворики! Бассейн. Дворики вымощены плитами. Подземный ход, ямы с решётками – место заключения.

Так и видится: сейчас соберутся здесь приближённые шаха в чалмах и халатах, начнут вершить суд. Во дворце переходы, боковые дверцы ведут на плоскую крышу, откуда хорошо видно море и город. Танцевальный зал, где шах любовался своими танцовщицами, овальные своды. Кажется, чувствуешь легкие движения красавиц из гарема, видишь их около бассейна.

Рядом девичья башня, о которой антиквар рассказал предание. «Много было жён у шаха, а всё ему недоставало чего-то. Увидел он однажды свою дочь «по-другому», и захотел взять её в жены. Страшно стало дочери, и поставила она условие, – должен шах выстроить на самом берегу моря башню, тогда станет его женой. Построил шах башню. Поднялась на неё девушка и в тоске смотрела на море, думая о любимом. Не знала, что любимый спешил к ней на вершину башни. Услышала шаги и, думая, что это отец идет к ней, чтобы потребовать обещанное, подошла к краю башни. Когда любимый открыл крышку, бросилась в море».

Сейчас башня стоит на суше, море далеко отступило от неё».

Ялта

В том же, 1970 году я с Наташей и её подругой Олей, ездила в Ялту, в Никитский ботанический сад: командировка к моей студентке, выполнявшей там дипломную работу. Накануне я порезалась, в ранку попала земля. А незадолго до этого знакомые рассказали трагический случай с женщиной: тоже поранился

на даче, не обратил внимания, и умер от столбняка. Потому пошла в поликлинику, делать прививку. Прививку мне сделали, но прежде не проверили реакцию, на другой день началась страшнейшая аллергия. А ехать надо. Сели мы в вагон, я красная, как кумач, лицо распухло, и температура, чувствую, высокая. Легла в вагоне на лавку, хорошо, что ехали больше суток – к тому времени как приехали, всё почти прошло.

Устроили нас девочки в своём общежитии на территории сада: у меня отдельная, у Наташи с Олей общая кровать. Конечно, тесновато, зато – на юге, около моря (фото 2).

Фото 2. В Ялте с Наташей (в центре) и Олей у Воронцовского дворца, 1970 г.

Я находилась больше в лаборатории, а девочки – отдыхали, купались, ходили по саду. Там было на что посмотреть. Впервые тогда увидела известное по школьным временам реликтовое растение, дерево – гинкго билоба. У него листья особой формы – с вырезом посередине. Растение южное, его много в Китае, Японии. Недавно в одной из зарубежных передач о растениях, узнала, что после атомной бомбардировки, в Японии остались живы только эти деревья, всё остальное погибло. Учёные, особенно японские, пытаются узнать причину устойчивости, там много этих деревьев, очень старых.

В Дербенте

В Каспийском море купалась позже – в 1980 и 1982 годах, когда ездила в Дербент к сестре моей свахи Тамаре Захаровне. В те годы она жила там, на берегу моря. С неделю или дней десять в августе я у неё гостила. Кстати, не случайно говорят, что мир тесен. В семидесятые годы она приезжала в Воронеж, к нам. Рассматривая альбом с фотографиями, сказала, глядя на снимок моей мамы: «Эту женщину я знаю». Оказалось, что и я Тамару знаю, но только по рассказам.

У родителей были давние знакомые – две старушки: Мария Николаевна, Лидия Николаевна и уже взрослая женщина – Лёля – красивая блондинка с тёмными глазами. Лидия Николаевна оставалась старой девой, а Мария Николаевна – очень добрая, но с горбом, родила дочку. Они жили под Мясной горой, недалеко от нас. Запомнила их рассказы о девушке, живущей в соседней квартире, помогающей им по дому. Это и была Тамара. Поскольку мы довольно часто бывали у них, Тамара видела, запомнила мою маму.

В Дербенте рядом с Тамарой Захаровной жила её родственница Антонина Прохоровна с мужем, Василием. Брат Антонины Прохоровны был мужем Тамары Захаровны. Дом общий, квартиры разные. Однажды я услышала рассказ о корабле, оставшемся на берегу несколько лет назад, очень захотела на него посмотреть. И отправилась туда, никому об этом не сказав. Легенду о корабле сейчас уже забыла, видно не была очень интересной.

Проехала автобусом до конца города, оттуда вдоль берега моря по мысу направилась к кораблю, он хорошо виднелся вдали. Пустынный берег вдоль моря, огромные осколки скал, очень красиво. Прошла уже довольно далеко, – навстречу идет наш сосед. Я ничего не боялась, а он смотрел на меня с испугом – «Что вы здесь делаете? Как вы могли сюда попасть? Это же очень опасно, ходить одной так далеко, в пустынное место!».

Словом, напугал меня, забрал с собой обратно, он здесь недалеко рыбачил. Правда, разрешил искупаться, подождал. Здесь вода чистейшая, в окружении скальных обломков получался бассейн, где купаться было очень приятно. Около дома хороший пляж, но – грязная вода: близко овощной комбинат. В то время перерабатывали помидоры и томатные остатки плавали около берега в немаленьком количестве.

Дербент старинный город. Узкие улочки, где растут деревца-кустики китайской розы, нашего комнатного цветка. Наверху красивая древняя крепость VI века, от нее сохранилась и стена, от крепости с горы ведущая к морю (фото 3).

Фото 3. Дербент. Башни и стена крепости VI в.

Вдоль этой стены по временам устраивают продажу ковров, своеобразная ковровая ярмарка. Одна такая ярмарка была при мне. Очень красивые, разноцветные, изготовленные мастерицами разными способами, ковры от начала стены на горе до самого моря, висели на стене, лежали рядом, расстеленные прямо на земле. Очень красиво, но, конечно, также и очень дорого – не стала даже приценяться, таких денег у меня не было (фото 4).

Фото 4. Дербент. Базар ковров

С тех пор прошло много времени. Тамара переехала к сестре – Александре Захаровне в станицу Отрадоольгинскую. Через несколько лет её не стало. Не стало и моего «спасителя» Василия. А его жена Антонина Прохоровна сумела продать свою часть дома в Дербенте, переехала в Воронеж, здесь живёт её дочка с мужем и двумя сыновьями. К сожалению, здоровье, мягко говоря, неважное, она уже не ходит, я – тоже, потому, хотя живем теперь близко, общаемся по телефону. Она родилась и выросла в Воронеже, мы могли встречаться в детстве, жили недалеко друг от друга, тоже была в армии, только ей досталось больше, чем мне – она старше меня на три года, тогда это было много. Антонина Прохоровна пишет стихи о войне, её печатают в Воронежской газете «Возрождение». Коммунист по убеждениям, активна и сейчас: к ней приходят школьники, она рассказывает о войне. Иногда по телефону вспоминаем наше детство, родные места, знакомых...

Станица Отрадоольгинская

Это Краснодарский край, 25 километров от Армавира и примерно столько же от Кропоткина. От станицы не только море, даже река далеко. Поместила сюда воспоминания потому, что кажется в первый раз, в 1980 году, после Дербента – поехала сюда. К родственникам: родителям и прародителям мужа Наташи – Саши Бабенко. Сашина бабушка – Александра Мироновна и дедушка – Захар Георгиевич ещё были живы. Начну рассказ с них. Незадолго до этого

колхоз на месте их дома поставил двухэтажный, с удобствами, в том числе и отоплением. Им выделили однокомнатную квартиру на втором этаже.

Семья Бабенко – выходцы из Воронежской области, из-под Острогожска. Захар Георгиевич Лайфуров приезжал к нам в Воронеж. Показывал большую тетрадь, исписанную красивым почерком крупными буквами, о некоторых событиях своей жизни. Рассказывал, как он, ещё мальчишкой, ходил пешком с родными и жителями села из-под Острогожска, где тогда они жили, на богомолье в Киев, в Лавру. Очень устали, жарко, воды мало... Положили богомольцев (а их собралось много, с разных мест) под окнами монастыря, на соломе.

Захар Георгиевич рассказывал: «Лежу на соломе, жарко, хоть и очень устал, но спать не хочется. И интересно, как там, в монастыре? Заглядываю в окно, вижу – монахи делят принесённые богомольцами дары. Два монаха ухватили кусок ткани (домотканная ткань, свёрнутая рулоном) с разных концов, тянут каждый к себе, ругаются. Волосы растрепались, началась между ними драка. У меня всё благостное отношение к монахам, монастырю и даже Богу, исчезло. Как и не бывало. Утром встал, и пошёл домой, теперь уже не пешком, а на поезде. С тех пор в Бога не верю». Было ему в ту пору, наверное, лет 13-14. Родился, как и его жена, в 1905 году. Воевал, имеет награды. На его фотографии, подаренной нам в год его восьмидесятилетия и сорокалетия Победы, на пиджаке орден Красной звезды, Отечественной войны, шесть медалей (фото 5). Хорошо умел заниматься садоводством, виноградарством. Когда мы получили участок под дачу, прислал нам два куста золотистой смородины, черешню, яблоню.

Фото 5. Захар Георгиевич Лайфуров

Черешня не перенесла наши зимы, скоро вымерзла, а смородину оставили только одну. Куст очень большой, больше двух метров в высоту и ширину. Цветёт красиво и очень рано, усыпан жёлтыми цветками. Красивы и листья, уже с августа краснеют. А ягод много не бывает. Яблоня стала высокая, яблоки вкусные – осенние, сорт не знаю.

Сашина мама – Александра Захаровна, отец – Григорий Константинович, мои ровесники (фото 6).

Фото 6. Александра Захаровна и Григорий Константинович Бабенко с Алёшей

Полная противоположность друг другу по комплекции – Александра Захаровна худенькая, подвижная, быстрая во всём. Григорий Константинович – полный, медлительный. Оба добрые, умные, работающие. Она – бухгалтер колхоза. Он – знатный механизатор, его посылали даже на ВДНХ в Москву. Награждён за свою работу орденом Октябрьской революции. В первые годы приезжали иногда к нам, а Григорий Константинович каждую зиму привозил чемодан мяса после забоя свиньи. Присылали сало, яйца... В последние лет десять уже болели, особенно он – подолгу периодически лежал в больнице, ходил с палочкой. В августе 2006 года его не стало. А в сентябре умерла и Александра Захаровна. Не смогла жить без него. Не стало интереса к жизни, да и здоровья – не было. Она любила его, хотя часто ворчала и даже покрикивала. Я думаю, любила и ревновала. Не к женщине – ко всему, что его окружало. Недоставало его внимания. Когда в первый раз я приезжала, она рассказывала, как тяжело он достался: свекровь не хотела этой женитьбы, пыталась забрать домой. Но он ушёл к молодой жене. Каждый год Саша и Наташа, с детьми, ездили во время отпуска к ним. Были и на похоронах. Остались в станице Сашин брат Василий с женой Леной и дочкой Аней. Серёжа, их сын, живёт в Воронеже. А в 2009 году приехала в Воронеж и Анечка – поступила учиться в университет. Сейчас (2011 год) студентка второго курса, милая девочка, живёт у нас.

Вернусь в семидесятые годы... В первый мой приезд у сватов жил замечательный индюк. Чисто белый, огромный. Но знаменит был не размерами и не цветом. Это был необыкновенный сторож, – никого из посторонних во двор не пропускал. Нужна была охрана, кого-то из своих, да и то – чаще всего с хворостиной. Но из-за своего характера и пострадал: недолго пожил, очень уж его агрессия досаждала.

Дом, где жили Вася с семьей, был низкий, старой постройки, – изба. А у сватов – новый, с высокими окнами, потолком – городского типа. Трёхкомнатный, а позже, когда пустили воду в станице, пристроили ванную комнату, поставили ванну. В доме – светло, чистота везде. Около крылечка – цветник, розы. Во дворе – сарай с курами, свинарник, летняя кухня. Рядом огород, а в конце станицы – ещё один огород, где главное растение – кукуруза. Теперь в нём живут Вася и Лена.

Ездили мы в Армавир, к брату Александры Захаровны Валентину, и его жене Ане Их сын – Сергей, – трагически погиб. Когда родился у Васи сын, назвали в его память – Сергеем. Кажется, в другой приезд ездили в Краснодар, к другим родным. Стояла пора созревшей черешни. С высокого дерева набрали жёлтой, вкусной черешни с небольшим горьким привкусом, без вишнёвой кислоты. С тех пор я жёлтую черешню связываю с родными из Краснодара.

Как давно это всё было... Сватов нет, а у Серёжи – сына Васи и Лены, – дочке три года (январь 2009).

На родине предков и Сталина

Собственно этот рассказ о том, как побывала на родине предков со стороны мамы. В мае 1923 года в Воронеже – центре России – объединились Север и

Юг. Папа – из потомственной семьи священников, северянин из-под Вологды, его родители, как говорили, из зырян – теперь называются *коми*. Православные зыряне считались русскими.

Родословная мамы – сложнее. Известно, что её мама – кубанская казачка, а отец – грузинский князь. В самом начале прошлого столетия (мама родилась 11 ноября по новому стилю, 1903 года), – такие браки не совершались. Маму отдали в приют, как незаконнорожденную. Бабушке (я зову её бабушкой, не по родству, по жизни), сообщили о полуторагодовалой красивой девочке в Новочеркасском приюте, и она забрала девочку с условием, что никто не будет знать о её дальнейшей судьбе. Маму удочерили, любили и всегда относились как к родной дочери. Соседи сказали маме, когда ей было лет восемь, что она приёмная, и когда она подросла, бабушка рассказала про родителей. Не знаю, назвали маме имена настоящих родителей, или нет, они у нас не упоминались, только их национальности и «звания». К тому же после революции не очень-то распространялись по поводу чинов: князей не жаловали. Так что это была ещё одна причина поменьше говорить об этом. Словом, я не знала их имени и фамилии, да, признаться, по глупости и не стремилась узнать. Что-то очень туманное вспоминается, какая-то грузинская длинная фамилия. Но, наверное, это мне кажется. Сама узнала, что бабушка не родная, как мне помнится, уже во время войны. Мама очень переживала из-за того, что бабушку не взяла с собой, когда поехала с моим братом девяти лет, ко мне в совхоз. Собиралась вернуться, но город заняли фашисты. Бабушку восьмидесяти лет вместе со всеми жителями угнали в тыл, и где она умерла, неизвестно.

В Грузии я не бывала. Но однажды в институте физиологии растений АН СССР в Москве, я рассказывала о совместной работе с учёными из ГДР, и о том, что они прислали препарат для испытания на больших площадях. Мы занимались изучением действия на растения регулятора роста из ГДР, тормозящего рост растений – ретарданта Тебепас. И я сказала, что мы можем дать препарат для испытания на плодовых культурах.

В 1986 году, весной, в Воронеж приехал специалист из Гори, где в совхозе-техникуме собирались провести испытания препарата. Он остановился у нас, на другой день уехал, забрав в рюкзаке канистру с 25 литрами ретарданта. И пригласил меня приехать посмотреть, что получится в результате опрыскивания яблонь. Как раз этим летом мне дали санаторную путёвку в Сочи. Конечно, было очень соблазнительно заехать потом в Гори, что я и сделала.

Только сначала немного о санатории.

Санаторий «Родина» построен в 1936 году с типичными для того времени каменными лестницами, портиками. Пятьдесят лет спустя санаторий стал, очевидно, третьеразрядным. В палатах первого этажа сыро, воздух затхлый. Я жила на втором этаже, а веранда выходила как первый этаж (здание на горе).

Со мной в палате жила осетинка семидесяти пяти лет, Тамара Николаевна Джантиева – инженер-гидростроитель, но уже на пенсии, видно много работала, активна и тогда. Наши соседи – учительница из Россоши Александра Максимовна Семенова и Ольга Степановна Ширшова – зоотехник, жена председа-

теля колхоза из Еланского района Волгоградской области. С последними двумя, втроем, мы были почти неразлучны.

В санатории лечилось много интересных людей. Мужчина из Набережных челнов, с характерным акцентом, говорил, что жена умерла 32 года назад, дети не разрешили жениться второй раз. Любил рассказывать молодым о своей жизни: «Я воевал, дошёл от Москвы до Берлина. Награждён, имею медаль «За отвагу», за Москву, за Кёнигсберг... Вот сколь я прошОл!». И сам как бы удивлялся этому. 22 июня надел все свои медали.

Воспоминания о войне часто бывали и в наших разговорах. Александра Максимовна рассказывала: «Не люблю песни. Не люблю, когда собираются и поют. В войну иногда женщины собирались в нашем доме, сначала поют, а потом плачут. А я за пологом ещё сильнее реву...». Во время войны ей было лет десять. Приятная женщина, особенно запомнились её волосы. Обычно она делала сзади валик, а однажды заплела косу. Все заглядывались: моложавая милостивая женщина, с изящной фигурой и толстой русой косой ниже пояса...

Погода нас баловала: лазурное небо, тихое море... Море в тридцати минутах ходьбы, но дорога зелёная, приятная. Вокруг цветение и экзотика – пальмы, бананы, пышные розовые (иногда голубые) куртины гортензий. Цветут фейхоа, магнолии, олеандры, какой-то кустарник с жёлтыми цветками, похожими на зверобой. Розы – душистые, полиантовые, карлики... Цветёт кустарник с мелкими белыми цветками, похожими на карликовые соцветия индийской сирени, и внешним видом, и ароматом... Вечерами мы гуляли, часто в сопровождении худощавого седого грузина – тоже отдыхающего – Эдмонда Петровича. Запомнились светлячки – весь воздух вокруг в мельчайших звёздочках, нигде и никогда больше не видела ничего подобного!

Врач запретила бывать на солнце: – сердце давало себя знать. И когда в конце срока я вновь у неё появилась, сильно отругала: хотя я была под тентом, но загорела, значит, злоупотребляла солнечными лучами. Она говорила: «Вот, не слушаются, а потом отвечай за них, если отправится на тот свет!». Судя по её реакции, у меня было не очень хорошо с сердцем. Но я этого не чувствовала, сердце болело только временами. В маленьком дневничке запись: «Соскучилась по своим, по Мишане»... Запись и о том, недавно пережитом, но не забываемом никогда...

Обычно мы ходили к морю пешком, но иногда дожидались автобуса. Однажды с нами на стоянке ждали автобуса девочки, почему-то перебирали старые открытки. Девочка читает одну открытку: «Дорогая мамочка, поздравляю тебя с днём 8 марта! Желаю тебе радости, успехов, приходить пораньше с работы, не бей собаку»... Одна фраза сказала так много...

Часто на закате ходили к морю любоваться. Солнце из-за горы, сзади нас, освещало проплывающие не очень далеко белые пароходы. Однажды пароход слегка повернул, и – весь вспыхнул пламенем под лучами заходящего солнца! В первые секунды показалось, что это пожар.

Воспоминания о дендрарии Сочи и экскурсоводе: «Здесь растительность, в основном, привозная, с юга». Старалась нам привить любовь к растениям: «В Новороссийске вырубил лес, и не стало пресной воды».

В каком-то журнале прочитала стихотворение Ю.В. Андропова и записала:

*«Мы бrenны в этом мире под луной,
Жизнь – только миг, небытие – навеки.
Кружится во вселенной шар земной,
Живут и исчезают человеки...
Но сущее, рождённое во мгле,
Неистребимо по пути к рассвету.
Иные поколенья на Земле
Несут всё дальше жизни эстафету».*

Закончилось время лечения в санатории, и я отправилась в Гори. Запись в дневничке по дороге: 6.07.1986 г.: на станции Хашури (неразборчиво название станции) стоит памятник – первый советский электровоз.

«До тоннеля (самый длинный – 7 км) – горы близко к железной дороге, рядом – Кура течет маленьким быстрым ручьем. После тоннеля – горы отодвинулись, справа – долина, виноградники, горы в тумане, а здесь – солнце.

Поезд остановился, на земле – веточка зверобоя. Так захотелось выйти! Потом будет Гори и Тбилиси».

Я думала, меня встретят в Тбилиси. Но на всякий случай приготовилась перед Гори. Поезд остановился, слышу: в вагон зашли мужчины, зовут – Галина Сергеевна, Эрдели, Вы здесь?.. Я вскочила, а проводница, грузинка, забеспокоилась – «Что же вы не сказали, что вам здесь выходить?». Успели выйти, ждала машина, поехали. Меня встретил тот, кто приезжал за препаратом – Мераб Надирашвили.

Мераб постоянно живет в Тбилиси, но еще не женат и потому привез меня к своим родителям, недалеко от Гори – Квархврели – небольшое село на берегу Куры. Здесь она широкая, быстрая, мутная. Рядом, на том берегу, пещерный город, одно время – столица Грузии – Уплисцихе. Здесь жила и царица Тамара. Городу две с половиной тысячи лет, сейчас там никто не живет, учёные занимаются его изучением. Внизу, рядом с городом, начинаются постройки жилых домов, но не везде. В древние времена здесь было то ли поселение, то ли кладбище – эту часть не застраивают, изучают. На горе стоит церковь более позднего периода (фото 7).

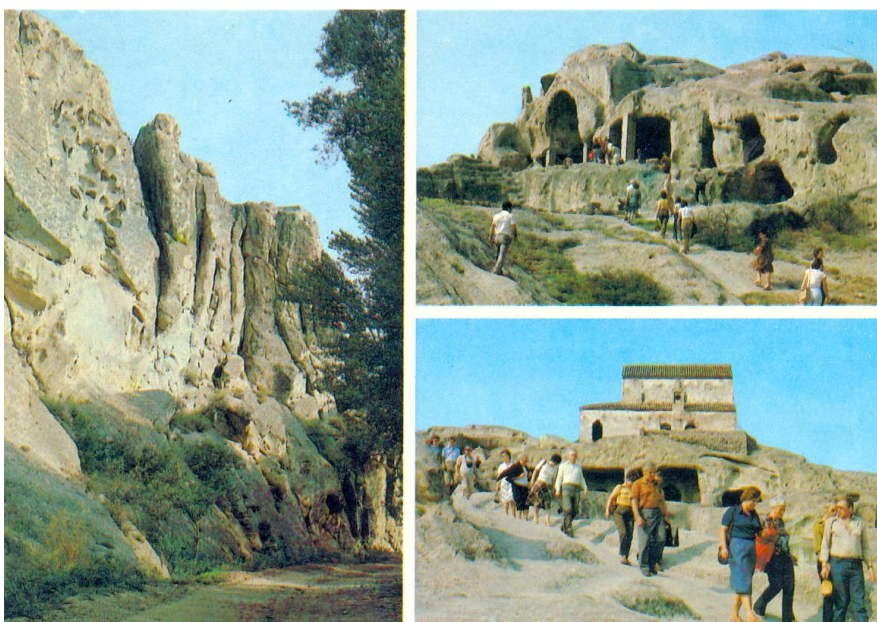

Фото 7. Грузия. Пещерный комплекс «Уплисцихе»

Вот краткая запись: «Около пещер голые скалы – валуны из песчаника. Они как бы застывшие волны, самых причудливых форм. Почти потусторонний мир! Здесь сами скалы, горы говорят о вечности. Стояла такая жара, что перехватывало дыхание. Пекло солнце, несмотря на то, что время – четыре-шесть часов пополудни.

На берегу Куры два серебристых тополя – высокие, диаметр ствола более двух метров. Считается, что им по 700-800 лет. Третий тополь, с разделенными стволами, тоже очень стар. Фотографировались на фоне пещер и старой церкви более позднего периода. В стороне контуры скалы выглядят как лицо мужчины с длинным носом, острым подбородком с бородкой – прямо Иван Грозный! Постеснялась попросить сделать снимок, жаль.

Шли обратно узким проходом меж скал, зашипела ящерица – большая, с длинным хвостом. Как жаль, что не знаю истории Грузии!».

О пещерном городе и строительстве храма в Мцхете есть роман «Десница великого мастера» Гамсахурдии (отца известного в наше время политика), я его читала когда-то давно, после возвращения перечитала. Много становится понятным и сейчас, например, абхазы и тогда старались отделиться.

На следующий день – 7.07.1986 г. были в совхозе-техникуме, смотрели яблони. Шёл полив по бороздам, ноги в тяжёлых сапогах вязли в желтовато-коричневой глинистой земле, жара, духота... Три сорта яблонь – «Банан», «Иверия», «Гольден...» обрабатывались растворами Тура (0,6, 1,2 и 1,8 %) и Тебепаса (0,6, 1,0 и 1,2 %). Тур при высокой концентрации снял ростовой процесс и вызвал некрозы – только розетка листьев. В остальных случаях заметного эффекта, на глаз, не наблюдалось. Здесь две ростовые волны – в мае и в июле. Опрыскивание повторяли за 4-5 дней до моего приезда. Было сухо, наверное, потому влияние мало проявилось – не было роста. Договорились, что на днях по 3-5 деревьев обработают растворами ретардантов по 1,5 %.

Потом поехали со знакомой девушкой Мераба – Дариджан в Боржоми. Около Гори горы не очень высокие и почти безлесные, а около Боржоми, в Боржомском ущелье – густые леса (без комаров!). Очень красивая дорога в Боржоми – рядом – скалы, внизу – деревья, как в кино. В Боржоми пили воду, она здесь бесплатная. Так жаль – течёт непрерывно чудесная вода из источника, не достаётся людям, выливается зря! Как много мы не используем природного богатства, а ведь оно теряется... Канатная дорога... В столовой на втором этаже – грибной зал. Мераб сказал, что больше всего любит грибы. В этом году 11 августа ему будет 35 лет, почти как Пете.

На обратном пути заехали за друзьями Мераба и было застолье, началось в 22-30 и кончилось во втором часу. Меня представили как потомственную грузинку. Доказательство – внешнее сходство и умение говорить тосты как настоящая грузинка, как это принято в Грузии. Здесь интересный и красивый обычай. Сначала выбирают тамаду и первый тост за тамаду. Но он может по скромности не выпить этот бокал.

Затем по ритуалу тамада произносит тост, а каждый по очереди добавляет свои пожелания. Например, тост за одного из гостей, или хозяев, или тех, кого

нет с нами, и каждый добавляет, высказывает свои пожелания. Но тамада может передать слово-тост кому-то из присутствующих (ала-верды). Я в качестве тоста сказала однажды «Эхо»: «Эхо – отзвук. Его не бывает в пустыне. Оно появляется только там, где может отразиться посланный звук, и особенно хорошо слышно в горах. Есть места, где отражается даже шёпот. Еще лучше, дороже нам отзвук в другом человеке. Пусть немного неточно, пусть достаётся не только тебе одному, – нам дорого родственное восприятие мира. Поднимем бокалы за то, чтобы нас окружали такие люди, за родственное понимание, за друзей!». Мне сказали, что я тосты произношу как настоящая грузинка, по грузинскому обычаю.

Понравилось, что молодежь чтит память Сталина, и был тост «За Родину, За Сталина!». Мужчины произносили тост стоя и выпили до дна из самых красивых бокалов. Я тоже выпила до дна, и вызвала этим радость присутствующих.

Удивительное было чувство все дни – понимания, всё было близко душе – может, действительно, сказывается дедовская кровь? Отсюда и любовь к лошадям, я в воспоминаниях говорила, что однажды на Кубани проскакала галопом, совсем не боялась, с таким наслаждением!

8.07.1986 г. Поездка в Тбилиси. Сначала были в техникуме, разговаривали с руководством. Я стеснялась, вообще не люблю «представительства», не моё это... По дороге в Тбилиси заехали в Мцхету – место, где находились многие грузинские цари. Наверху, на горе монастырь-крепость Джвари (Крест). Вечером он подсвечивался снизу, очень красиво. Здесь бывали Пушкин, Лермонтов...

В Мцхете побывали в саду-памятнике заслуженному грузинскому садоводу – Михаилу Мамулашвили. Маленький садик, где гигантская эхеверия, величиной с миску, буквально на каждом шагу чудо декоративного искусства из растений, камней, сухого дерева, всего не перечислить. Он там и похоронен, на могиле – камень, даты его жизни: 1873-1973.

Его наследники – родственники Дареджан, нас пригласили походить по саду и зайти в квартиру, где в большой комнате музей. На стенах фотографии, композиции из сухих цветов (вторая жизнь цветов), выполнена дочерью – Пелико Мамулашвили. На большом столе под стеклом изящнейшие композиции – миниатюры из засушенных цветков, открытки с фотографиями композиций её отца. Он делал корзину с цветами на похороны Сталина от Грузии, её отмечали в печати. Сделала запись в книге гостей, не могла сдержать слёз: всё так душевно, по-настоящему красиво, здесь величие человека. Родственники стараются поддерживать то, что было, но всё же чувствуется, что это только поддержка – они работают, на садик остается мало времени...

В Тбилиси душно и жарко – в тени 40 градусов. Побывали в здании церкви, в краеведческом музее, где наскальные рисунки на стене в натуральную величину, на выставке работ художников, в хинкальне. Я не знала, что такое – хинкали, оказывается особым образом приготовленные крупные вареники (мы ели с картошкой, но бывают и с мясом), запивали виноградным соком. Чаще бывают с мясом.

Фото 8. Тбилиси, Старый город

Побывали в Старом городе (фото 8).

Побывали в магазине со знаменитой в Тбилиси газированной водой. Здесь пила впервые воду ярко-зеленого цвета – тархун, из эстрагона. Вкусно. Я иногда завариваю чай из эстрагона, но чаще кладу его в банку с огурцами при засолке.

Поехали по красивой горной дороге вверх. Сверху хорошо виден Тбилиси. Знаменитая гора поросла земляникой, цветет жёлтый тысячелистник, звербой, чабрец стелется по земле... Незабываемое впечатление. Отсюда можно было спуститься вниз на фуникулёре, мимо могилы Грибоедова, или на машине поехать к тбилисскому «морю». Замученная жарой я выбрала – море. Вокруг – засилье людей, проехали к склону, поросшему кустарником. Вблизи оказалось, что под каждым кустиком – люди. Пришлось в машине надевать купальник. Теплейшая вода и большая радость смыть пот, хотя уже не было так жарко – девятый час. Как приятно плыть по солнечной дорожке, навстречу солнцу! Домой поехали уже в темноте. Ночная дорога, прямая, хорошо асфальтированная, быстрая езда – 100-110 км не заметна, из-за того, что горы далеко. Ночная мгла на вершинах. Удивительно точное выражение – «мгла». Днем тоже горы будто в тумане – молочная равномерная дымка, вечером она сгущается и становится мглой. И ещё – пушкинское: «На холмы Грузии легла ночная мгла». Пушкин, думаю, и потому велик, что всегда очень точно даёт описание. Действительно, здесь горы правильнее называть холмами, так они выглядят издали.

Удивительно красиво. Все горы разные, всё просится на снимки, и всё ложится на сердце. Наталия Ивановна говорила: «Неважно сколько, важно, чтобы – было» – удивительно верно. Всё это нельзя забыть, только жаль, что нельзя показать другим, нельзя поделиться впечатлениями зрительно. Думаю, что и

фотографии не могли бы помочь, а, может, и киносъёмка: здесь важно душевное ощущение, аура, которую передать трудно. Не смогли бы снимки передать ощущение величия, одухотворенность гор и окрестности.

По дороге завезли домой Дареджан, приехали часов в 12 ночи и до двух «пировали», разговаривали, главным образом, через тосты. Мераб любит тост: «За хорошие дороги». Во всех смыслах. И какой-то был еще тост, не шаблонный, не запомнила, и не записала.

Следующий день – 9.07.1986 г. – Гори. Родина Сталина, потому неудивительно, что многое говорит о нём. Его значение в истории страны, эпохе, нельзя переоценить. Хотя со второй половины прошлого века, оно оценивается в нашей стране разными людьми неодинаково.

Я, можно сказать, выросла со Сталиным. Дома у нас не было его пиетета, но уважение было. Помню, девочкой, хотелось его увидеть. Мы, дети, этого хотели, наверное, после его фотографии в газете с дочерью Светланой.

Сталин был для меня, как навсегда данное, постоянное и надёжное. Со временем, взрослой, стала больше понимать в происходящем, но не было страха, как и неприязни. После выступления Хрущёва, у меня к Сталину появилось больше симпатии и интереса. Уж очень «поносили» погано, недостойно.

При жизни Сталина о нём было много стихов, песен, его восхваляли поэты, писатели. Всё ли искренне? Каким он был?..

Мне хотелось больше узнать о Сталине-человеке. Часто думаю, как могут различно оцениваться люди по своим личным качествам, характеру, и по значению в стране, обществе. И как мнение бывает неоднозначно. Как и сами люди.

И вот я в Гори, на его родине. На площади около Дома Советов памятник Сталину – во весь рост. Очень доброе, умное лицо. Памятник белый, но, кажется, не мраморный. Во всяком случае, не заметила, чтобы блестел, а мрамор блестит? Над домом, где он провел детство, построены крыша и стены – но всё видно, стены не сплошные: каркас охраняет старый маленький дом. Там музей, в тот день был закрыт.

Конечно, есть и большой музей Сталину. (Был тогда, теперь – в 2011 году, – есть ли? Недавно передали по ТВ, что в Грузии демонтирован последний памятник Сталину).

Начали строить ещё при жизни, но ему не сказали, что планируется его музей – говорят, он бы не разрешил. Была издана хвалебная книга о Сталине, в музее хранился её сигнальный экземпляр. Сталин не разрешил выпускать книгу в свет.

В музее на стене висят стихи Сталина, изданные в 1890-х годах. Одно стихотворение и тогда, как сказали, (1986 г.) было в хрестоматии, на грузинском языке. Несколько стихотворений в переводе, на русском языке, висели на стенде. О природе – бабочках, цветах, очень добрые стихи. Жалею, что не записала. Известно, Сталин писал стихи всю жизнь, для себя. Немногие знали об этом. Когда спросили, почему он их не издаёт, ответил: «Если издать, будут говорить какой я гениальный поэт, а стихи-то – посредственные».

На стенах много фотографий Сталина с рабочими, колхозниками (тридцатые годы), где у него очень добрая улыбка. Мудрость появляется после тридцатых годов, до этого – обыкновенный человек, а потом в улыбке-усмешке – мудрость. Ну, о Сталине можно много говорить – непростая была личность (и непростое время). Много грязи вылил на него Хрущев (и продолжают лить). После прихода этого маленького мстительного завистника, по его велению, разобрали музей подарков Сталину. Грустно, больно было смотреть, как на скульптуры накидывали верёвки, волокни. Ведь подарки-то были вождю страны – стране! Не могу простить Хрущёву его подлости.

Разобрали кабинет Сталина в Кремле. Вынесли библиотеку – свыше пяти-сот томов, где в каждой книге карандашные отметки Сталина: значит, все читал, делал записи. Он был очень образованный человек, любил театр, оперу, часто бывал на спектаклях, знал артистов. Смотрел фильмы, нравились с участием Ладыниной («Трактористы», «Богатая невеста»). Любил Любовь Орлову. Не произвёл впечатления «Светлый путь», «Волгу-Волгу» смотрел сорок два раза. Повторю известное: во время войны послал фильм Рузвельту. Тот посмотрел один раз, второй... «Не понимаю, почему он его прислал? Сталин ничего не делает *просто так*. Переведите слова песен». А там: «Америка России подарила пароход. Снизу пар колёса сзади, и ужасно, и ужасно, и ужасно тихий ход». «Теперь понимаю. Сталин говорит, что мы тянем с открытием второго фронта».

Бессеребряник. Когда умер, не знали, в чём хоронить – не было нового костюма.

Сохранился железнодорожный вагон, в котором ездил Сталин. Всё очень просто, коричневые занавеси из недорогой материи, большое, со столом, купе для встреч, обсуждений...

Недавно (2010 г.) Никита Михалков создал фильм «Противостояние», продолжение «Утомленного солнца», о первых днях начала войны. Конечно, там есть и о Сталине. Михалков с изумлением рассказал эпизод съёмки фильма. Артиста на роль Сталина долго гримировали. Ждала вся съёмочная группа – шестьдесят человек. Когда Сталин вошёл, все, приветствуя, встали. Михалков говорит: «Что это – генетически переданная боязнь Сталина?». Был удивлён реакцией артистов. Ему не понять – это не боязнь – уважение. Думаю, боялась элита, простой народ – уважал. Такого уважения уже не стало ни у одного руководителя страны.

Особенно это проявилось во время войны. Когда теперь говорят, что в Великой Отечественной войне победил не Сталин – народ, «забывают», что народ без руководства – толпа. А толпа способна только к бунту.

В Сталина верили. Когда в ноябре 1941 года в Москве его увидели на параде, помню, все успокоились: «Сталин в Москве, мы победим!».

Я была осенью сорок второго года на фронте, в трёх – пятнадцати километрах от передовой, регулировщица. Наш дорожно-эксплуатационный батальон обеспечивал бесперебойное снабжение передовой линии фронта: следил за состоянием дорог, регулировщики указывали водителям более короткий и безопасный путь. Запомнилась чёткая дисциплина, порядок на дорогах. Непосредственно о Сталине не говорили, но, пожалуй, незримо он был где-то близ-

ко. Ещё не произошёл перелом в сражениях, но повторю: в него верили, как и в Победу, и это не требовало слов.

Однажды, вскоре после *Курской дуги*, рядом с нашим постом стояли танкисты – резерв. Поле с перелесками, там и расположились танкисты. Около танков – землянки. В одной землянке я побывала. Землянка из бревён, постели с белыми покрывалами, горкой подушек. Такая мирная обстановка. Посередине землянки – тумбочка, на ней большой портрет Сталина.

Сталина обвиняют в депортации татар, ингушей, чеченцев, во время войны. Да, это было жестокое действие, подготовленное в строжайшей тайне. В один день – 23 февраля 1944 года, вывезли всё население. Но для этого отвлечь от участия в боях массу людей, машин, железную дорогу, когда наши войска только начали наступление, – было вынужденной и необходимой мерой.

Знаю не понаслышке. Наш КПП был своего рода «перевалочным пунктом». Здесь ожидали попутных машин командировочные, возвращавшиеся на передовую после госпиталя... Потому разговоры велись на самые разные темы, и, конечно, о событиях на фронтах. Здесь мы узнавали о происходящем больше, чем из газет. Помню, как военные сетовали, что на юге, в Крыму, много предателей, и они помогают врагам. Татары проводили их в тыл наших частей по катакомбам, помогали фашистам и чеченцы, ингуши. Много бойцов погибало в резерве, на отдыхе, во время передышки от сражений.

Разбираться, кто виноват, тогда возможности не было, пришлось выселить в глубину страны, в казахстанские степи, всех. Коренное население встречало доброжелательно. Помогали, чем могли, жалели. Не случайно одна чеченка на всю страну, во время не очень давних событий в Чеченской республике, сказала, что во время депортации им было лучше.

Как уже говорила, все Сталина не поминали, его имя звучало лишь в начале большой атаки, когда поднимали в бой. Сталин был символом нашей победы, мирной жизни, Родины. Конечно, весь народ причастен к Победе, но я скажу – в Великой Отечественной войне *народ победил под руководством Сталина*. Его роль, значение, особенно понимают и ценят фронтовики.

Уже много после войны, когда работала с учёными Галле, профессор Якоб как-то спросил: «Как вы, ваша страна, в отсталой России, после разрухи гражданской войны, меньше, чем за двадцать лет, сумели достичь такого развития, что победили фашизм?». Повторю известные слова Черчилля: Сталин принял страну с сохой, а оставил с водородной бомбой. Мы мало задумываемся над этим, но если сравнить с тем, что создано у нас за последние, тоже – *двадцать лет*...

Всё это доставалось не просто. Много было молчаливых, и не только молчаливых, противников происходящему. Знакомая рассказывала: на левом берегу, на заводе, где в то время работал её отец, кто-то в механизмы подсыпал сахар – выводил их из строя.

Ещё больше лжи. Хрущёв хотел, оболгав и опорочив Сталина, завоевать авторитет. Для этого во много раз преувеличивается число расстрелянных. Так

786,98 расстрелянных, и 3,779 тысяч арестованных за годы с 1924 по 1953, – превратились в *сотни миллионов*. Поражает, как бесцеремонно представители СМИ обращаются с цифрами! А за ними и представители власти. К тому же необходимо знать, что в это число входят *все*, кто сидел в тюрьмах и был расстрелян. Не только политические противники, но и предатели, даже уголовники. Хотя, конечно, пострадало много и невинных. Условия позволяли «сводить счёты» по личной неприязни. Но, убеждена, – много честных партийцев так умышленно убирала наши враги, ослабляли партию. Свергнутые господа не смирились. Война продолжалась всё время, только велась подспудно, другими методами... (И привела в девяностые годы к победе негативных сил).

Ругают и за создание колхозов. Правда, проходило это трудно. Но вспомним переселение крестьян из Центральной России в Сибирь, по реформе Столыпина. Тысячи крестьянских семей на своих лошадях, со всем своим скарбом, должны были преодолеть тысячи километров. Сколько их осталось на дорогах? А тех, кто ехать не хотел, на дорогах же и вешали, без суда и следствия. «Столыпинские галстуки», так называл это народ. Дед одного нашего профессора так был повешен.

Папа, мудрый человек, понимал, ради чего происходит и создание колхозов, и многое другое. Помню, вздыхая, говорил: «Лес рубят, – щепки летят...». Когда Сталин умер, многие плакали. В народе появилась боязнь за будущее. Люди говорили: «Что теперь будет?». Как видим, опасались не зря. Кажется, канули в Лету бесплатное образование и многие достижения советского времени. Зато появились миллиардеры и «благотворительность»... Но эта победа временная. Человечеству, чтобы *выжить*, нужна система, где действуют интересы *всех* людей.. Система, начало развитию которой было положено при Сталине. Народ это понимает.

В те годы в кино перед сеансом, показывали киножурнал. Если на экране появлялся Сталин, раздавались дружные аплодисменты. Так бывало уже и после его смерти.

Одним из показателей отношения, служат анекдоты. В связи со Сталиным знаю только один. Через несколько лет после Сталина, при Хрущёве, начались перебои с хлебом, особенно, белым. Анекдот: «Что же такое – нет хлеба!». «Особист» – «Ругаете? Кого ругаете?». «Сталина, Сталина ругаем – только на пять лет и запас хлеба. Как же его не ругать?».

Года через два после войны отменили карточную систему. С этих пор при Сталине каждую весну проводили снижение цен на все товары.

Сталина народ не забыл: после обещанных, и не сбывшихся, благ «перестройки», по улицам стали ходить грузовые и легковые машины с его портретами на стекле кабины. Недавний опрос по телефону показал, что память жива и сейчас, его считают одним из великих людей России за последние века. И главным – за последние сто лет.

Значение происходящего в стране после революции, роль Сталина, ещё только начинают проясняться. Не случаен такой интерес сейчас к его личности,

учению Маркса. Причём не только в нашей стране.. И такой негатив, который выплёскивают на него власть предрержащие.

Вернусь в 1986 год. Из Гори поехали километров, кажется, за семь, в горы, к Атенскому сиону. Говорили, Сталин очень любил Атени. Здание церкви седьмого века, квадратное, небольшое, даже маленькое. Стоит на краю горной дороги, около обрыва – гора поросшая деревьями, потому пропасть кажется не очень глубокой. Храм заброшен, но на стенах еще видны фрески XI века, портрет Баграта IV, надпись о сожжении Тбилиси в 853 году арабским военачальником Бугом. Что-то ещё на грузинском языке. Очень своеобразное место, очень красивое. Жаль, что в те годы у меня не было возможности фотографировать.

Когда вернулись, опять было застолье, до ночи. Думаю, родителям стало утомительно. Интересно, перед моим отъездом отец Мераба спросил, понравились ли мне люди, и потом уже – понравилась ли сама Грузия. Люди на первом месте. Во время войны он, машинист, водил составы в России, очень интересный человек, как и его жена. Но в застольях не участвовали ни он, ни жена – только молодежь (относительная). Приезжала из Тбилиси сестра Мераба Нино, она писала историю Грузии, кандидат наук. Не знаю, что теперь с ней, как её работа. По её просьбе записала, передала Мерабу некоторые свои миниатюры – «Эхо», что-то ещё. Моя книжка «Запахи земли» вышла через 14 лет, когда с Грузией отношения стали иными. Примерно, с год переписывалась с Мерабом, потом все заглохло – я очень ленива на письма. А тут еще распался Союз...

В тот год, сразу после моего возвращения из Грузии, в профкоме предложили бесплатную туристическую путёвку по Военно-грузинской дороге. Конечно, было очень соблазнительно, но с сожалением, отказалась. Во-первых, устала, во-вторых, а может, и, во-первых: деньги нужны даже для бесплатной путёвки, а я всё потратила, занимать же не хотелось. Теперь жаль, упустила такую возможность... Но кто знал о будущем развале?

Их глава Михаил Саакашвили сторонник Америки. Жёсткий человек пришел к власти с помощью США, толпы. Не народ – толпа приветствовала Саакашвили во время «революции роз». Примечательна его верхняя губа. Она слегка опущена и прижата к зубам. Вообще мне кажется, у мужчин очень выразителен рот. Недоумение, вопрос, недовольство, радость – и многое другое скажут губы. У женщин выразительны глаза, очень редко – рот. У Саакашвили губы говорят о непреклонности, жёсткости и высокомерии. Очень неприятный человек, о чём можно судить и по действиям. Его очень поддерживает Америка, зарплату министрам платят США. Об этом пишут открыто, не скрывают.

Вернусь в Грузию. На следующее утро, 10 июля, поехала домой. Мераб уговаривал ещё остаться, но я настояла – надо и честь знать! На дорогу Мераб дал две большие бутылки, литра по два, своего вина, и по моей просьбе – отрутки мяты. Здесь её зовут «питна». Дома посадила, но, к сожалению, она не перезимовала. Он собирался отправить меня самолетом из Тбилиси, но я захотела поездом: не люблю самолеты. К тому же хотелось использовать льготу на билет

– 50 % оплата, как участника войны, был неиспользованный талон. Он хотел билет купить, я не дала. Он и так много сделал мне подарков – два рога стеклянных для вина, что-то ещё...

Утром поезд ушел рано, в полдень уже была в Адлере, сидела на берегу моря. По приезде в Адлер в первую очередь отправилась в баню. Все дни стояла жара, духота, а помыться было негде, кроме тбилисского моря.

Здесь, на берегу, за столиком кафе сделала записи в тетрадке о поездке в Грузию. Записала, что после настоящих кавказских гор, их строгой красоты, Адлер, с его пальмами, как лубочная картинка. И приписка: «Ужасно хочется домой!».

Отправился поезд во время, а в Ростов пришел с опозданием: не в 16-10, а в 21-40. Уже началась объявленная Горбачевым *перестройка*, и сказалась на неразберихе, наверное, в первую очередь, на железной дороге. До этого расписание движения поездов соблюдалось строго. По беспорядкам на дороге можно было предполагать дальнейшее, но ещё верилось в лучшее.

Леселидзе

В последний раз была на юге, купалась в море, летом 1988 года. Без путёвки, «диким способом». В Сочи, Адлере оставаться не хотелось, кто-то посоветовал квартиру в Абхазии – недалеко от Адлера – Леселидзе. Довольно поздно вечером появилась по указанному адресу, но хозяева не спали. Выделили мне кровать в коридоре на втором этаже. Там стояла кровать ещё одних жильцов – отца с сыном лет двенадцати. Между нами метров пять – проход в спальню хозяев.

Утром вышла во двор, а там – полно людей разных возрастов, конечно, много детей. Вокруг сарайчики, тенты над плитами, примусами... Каждое утро, как тараканы из щелей, выползали отдыхающие. Хозяйский дом большой, двухэтажный, со многими комнатами, пристройками, но всё забито приезжими. Лето приносит доход, за счет которого живут хозяева. Только я их пожалела: думаю, трудно достаются эти деньги, ведь не только стирка, уборка, но и просто повернуться негде, негде самим отдохнуть...

Оказалось, море недалеко, и хороший пляж, тут же закусовые, так что можно не готовить, и не отходить далеко от моря. В моём распоряжении было всего десять дней, потому хотелось ничего не делать (фото 9).

Фото 9. Я в Леселидзе

Побывала в сочинском дендрарии, полюбовалась на растения, и на павлина. Местная достопримечательность ходил по дорожкам и на просьбы посетителей распускал чудесный хвост. Тогда впервые поняла, что птицы могут нас понимать, «разговаривать» с нами. К сожалению, у меня не было ничего съестного для павлина, а он выпрашивал, поворачиваясь и демонстрируя свою красоту. Когда понял, что ничего не перепадёт, свернул хвост и обиженно ушёл по дорожке. Там, где-то в стороне, раздался его крик – громкий и неприятный.

Поезд на Воронеж из Сочи уходил поздно вечером, но я приехала рано днём, посидела в парке, на берегу моря. Весь этот отпуск было удивительное ощущение – никуда не надо спешить и ничего не надо делать, полная свобода... Временами это очень приятно. Выпила кофе, его готовили тут же, под открытым небом. Турка стояла в горячем песке, в постоянном движении рук продавца. Кофе очень вкусный, даже дома у меня такой не получается. А когда пошла к вокзалу, обнаружила пропажу – из сумки выпала вкусная булочка. Дырку проделала ночью крыса в доме, где я жила. Там, когда я приехала, лежал бутерброд. Хорошо, что лежал сверху, потому собственно это была не дырка – просто сбоку вверху крыса выела кусок кожаной сумки, утащила съестное. Лишних денег не было, решила потерпеть до дома, не тратиться на покупку новой сумки. До отхода поезда успела купить другую булочку в дорогу.

Это была моя последняя встреча с морем. Знаю: теперь уже новой не будет, не смогу – не хватит сил. Но почему-то нет горечи. И когда видишь по телевизору многие красивые места, про которые знаешь, что никогда там не побываешь, – тоже нет грусти. Да что там – уже не смогу побывать на месте домов своего детства! Я побывала во многих местах, кое-что видела, может быть, поэтому. Или сказывается усталость, накопленная за годы, да и годы были небезмятежные. Но я не хотела бы их менять...

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СУШЕ

Вот и добралась я до второй части воспоминаний о своих путешествиях. Начну с поездки в Сибирь.

В Сибирь

Вышла я замуж 24-го апреля 1951 года, а 18 мая муж уехал таксировать леса в Сибири – Тюменская область, Заводоуковский район. Я тогда училась, только окончила второй курс биолого-почвенного факультета ВГУ. Осталась практика по ботанике и зоологии позвоночных животных. И мне разрешили на время зоологической практики уехать к мужу в Сибирь. Отчитаться описанием тех животных, что характерны для той местности. Быстро собралась, от Москвы три дня на поезде. Из Москвы дала телеграмму, чтобы встречал. Встречи на вокзале не было, в лесничестве сказали, что он в лесу за 60 километров, телефона там нет. Ему с кем-то передали о моём приезде, но уверенности, что он знает, – нет.

И я решила отправиться к нему, хотя мне предлагали остаться. Утром шла машина, километров тридцать в ту сторону. Захватила свои два чемодана (что

было очень глупо, надо бы оставить их в лесничестве), поехала. Дорога прямая, по просеке. Затем машина свернула влево, у меня – прямой путь. Просека в густом, высоком лесу, смешанном. Красиво и необычно. Дорога поросла травой, ездят по ней мало. Через какое-то время догоняет старичок на подводе. Поразился, что иду одна по лесу, предложил подвезти. Но он через несколько километров сворачивает направо. По дороге никакого жилья, всё в стороне. Опять пешком. Добралась уже во второй половине дня, ближе к вечеру.

Небольшое селение, дома деревянные, рубленые. Поразила особая чистота в доме – пол не крашенный, доски вымыты до белизны. Деревянные бревенчатые стены и потолок. На полу везде вязаные из тряпочек, старых чулок, половички. Такого никогда раньше не видела. У них зимой в избу не поселяют ни телёнка, ни поросёнка, как у нас, в Средней полосе России. Но у нас нет и возможности построить такие дома и коровники – там много леса.

Около дома огород спускается к быстрой, но здесь не широкой речке – Ишиму.

Кронид ещё не приходил, а когда пришёл, сказал, что назавтра уезжает – есть оказия, лесовоз должен отвезти пиленный лес. С утра повёл в лес, показать очень красивый цветок на поляне. Цветок не нашли, но из кустов неожиданно прямо на нас выпрыгнула лесная козочка. Лань на секунду замерла, увидев нас, быстрыми прыжками по высокой траве убежала, скрылась за кустарником. Лес хорош и у нас, но такой чистоты, «дикости», как там, нет. И я поняла, почему Кронида каждую весну так тянуло в командировки. Лес обладает огромной притягательной силой, особенно такой «нехоженный».

Несколько дней мы жили в Заводоуковске, потом уехали на озеро Сингуль, жили в палатке, а другой таксатор, товарищ мужа жил рядом в шалаше. Озеро славилось маленькими золотистыми карасями. Из соседних сёл приезжали рыбаки, неводами ловили рыбу, а мы покупали карасей вёдрами.

Поездки на Север

Первая поездка в 1955 году, на север Кировской области, там в то время работал Кронид. Поездка не планировалась. В апреле родилась Наташа, а вскоре меня пригласил к себе в аспирантуру профессор Б.М. Козо-Полянский. Начала я подготовку, но проректор Н.С. Камышев не разрешил сдавать экзамены, – у меня ещё не было двухгодичного стажа работы после окончания университета. Не скажу, что огорчилась: боялась экзамена по языку, да и основной курс ботаники я ведь не слушала – училась на другой кафедре. Спросила Кронида, получила в ответ телеграмму: «Приезжай, буду очень, очень рад». И я с детьми отправилась через Москву под Котлас. На вокзале Кронид встретил, на машине повёз в село, где находился «штаб» лесоустроительной партии, он к этому времени уже стал начальником партии. Пете в апреле исполнилось три года, Наташе – четыре месяца.

Здесь Петя заболел корью. Высокая температура, по ночам не спал, громко плакал. Я держала его на руках, успокаивала, приходилось успокаивать и Кронида. Он хотел спать, громкий плач спать не давал. Кронид сердился, ругал малыша. А я боялась, чтобы не заразилась Наташа.

Но всё обошлось благополучно, осложнений корь не дала, Наташа не заболела. В этот приезд я совсем не могла выходить из дома. Лишь однажды удалось пойти за село. На холмах редкие молодые – невысокие и широкие, разлапистые ели среди начавшей желтеть травы не говорили об особенной природе. Вот когда шла вдоль реки по высокому берегу, поросшему старыми деревьями, тогда почувствовался Север. Почти чёрные ели, серая, блестящая река, на другом берегу – простор, безлесная желтоватая равнина. Такие ели мне встретились только там.

На другой год мы весной уехали на Север вместе. Поездом до Кирова, оттуда такси 200 км на юг, до районного центра – Немы. Несколько дней жили в Неме, здании лесничества, потом перебрались в село, название не помню. Дом стоял на улице, отдалённой от села. В селе кинотеатр, почта, были и здания городского типа. Наш дом на улице, где дома только с одной стороны. Напротив – невысокий холм, засеянный пшеницей, а через огороды вниз – ручеёк с дощечкой-мостиком, там опять небольшой подъём и лесок с зарослями малины, грибами. Мы ходили гулять в этот лесок, собирали малину для еды, подберёзовики и ели и сушили. Радовали красными шапками и мухоморы – они очень нравились Наташе. Петя уже отличал съедобные подберёзовики от ядовитых мухоморов. Он очень внимательно относился к Наташе. Когда мы жили в Неме, очень боялся за неё, если она выходила на проезжую часть дороги, – громко кричал, вызывая меня.

В этот год в лесу было очень много малины. Лес начинался прямо за нашей улицей, через несколько домов, а в нём – сплошной малинник. Говорили, что встречали медведя, приходившего лакомиться. Один раз Кронид отпустил меня за ягодами. И я через четыре часа принесла эмалированное ведро малины, едва донесла. Мы наварили варенья столько, что Кронид заказывал бочонок литров на пять, а сушёную малину ели несколько лет. До сих пор меня от малины немного мутит.

Эта поездка связана с трагическими воспоминаниями, – со смертью папы и моей поездкой на похороны, маминым пребыванием у нас и событиями с Олегом...

Совсем не помню, как ездила в 1957 году, в Кировскую область, почему-то в августе, вернулась в октябре. Помню, почувствовала в себе ожидание ребенка. А мы не «планировали» третьего, пошла к врачу, чтобы сделать операцию. Врач сказала, что поздно, уже три месяца, операцию сейчас делать нельзя, но по моему здоровью, ребенка родить нельзя, – придется делать выкидыш в пять месяцев. Только я знала, что трех месяцев не могло быть, с тех пор, как была у Кронида прошло не более двух месяцев. Сказала: пусть будет третий. Врачи говорили, что он родится не позже 22 апреля, а он родился 23 мая, как я и ожидала. На этом мои поездки в лес с Кронидом закончились. Сначала из-за рождения Серёжи и перестройки дома, потом – моей болезни суставов.

Саранск, Болдино

Забегала я вперед, опишу следующий вояж, он состоялся в апреле 1974 года на конференцию в Саранск, отсюда нас свозили и в Болдино. Столица Мордовии – Саранск знаменит музеем скульптора Эрзя. Тогда музей занимал одну большую комнату. Многие скульптуры из дерева, некоторые из мрамора. Он двадцать лет работал за рубежом, в Южной Америке, потому было дерево особенное: квебрахо, альгорробо, а также, кавказский дуб, кавказский орех, был и мрамор, даже чугун и железобетон, цемент. Вот что о нём писали.

«Эрзя... это ласкающее и звучное имя одного из древних племён Волги, народа, затерянного среди необозримых болот, степей и дремучих лесов России. Вы, поставив девизом Вашего искусства имя своего народа, сами сделали его знаменем» (Художественный критик Ugo Nebbia. «N Viodante» Милан, 1910г. перевод с итальянского, – артисту революции Эрзе). В книге Г. Сутеева «Скульптор Эрзя». Мордовское книжное издательство. Саранск, 1968.

Эрзя вернулся на родину в 1950 году. Советское правительство сделало всё, чтобы создать наилучшие условия для возвращения и устройства старого художника. Был зафрахтован пароход для перевозки работ скульптора, где он был единственным пассажиром. В Москве дали отдельную квартиру и большую мастерскую в 250 квадратных метров.

Степан Дмитриевич Нефедов-Эрзя родился 28 октября 1876 года в крестьянской семье в деревне Баево Алатырского уезда Симбирской губернии (в год издания этой книги – Ардатовский район Мордовской АССР). По происхождению мордвин из народности эрзя. (Умер в 1959 году).

Его жизнь трудна, особенно в детстве и юности. Начинал как богомаз – рисовал иконы, хотя к священнослужителям относился с неприязнью. В молодости без гроша в кармане путешествовал по Италии, жил одно время в Париже, тогда уже стал скульптором. Вернулся в Россию весной 1914 года, арестован охранкой, хорошо принял Советы. Не знаю, почему уехал за рубеж в 1926 году и вернулся в 1950, как я уже написала.

В музее Саранска было много его работ. Как говорили, ещё больше в запаснике, их позже разместили в новом большом здании музея.

Организаторы конференции нас свозили на экскурсию в пушкинское Болдино. Стояла осень, правда, не сухая – дождливая, но всё равно Пушкин чувствовался, по крайней мере, мне.

Около пруда лежала спиленная старая ветла. Она, наверное, помнила Пушкина.

Галичья гора

Заповедник реликтовых растений в 25 км от Задонска, в двух километрах от села Донское. Туда «в ссылку» отправили С.В. Голицына, бывшего старшего научного сотрудника ботанического сада ВГУ после неприятностей с завхозом Черниниловым. Замечательный человек, преданный растениям, специалист высочайшего класса, вскоре стал директором заповедника. В начале семидесятых

ему присвоили в БИН АН СССР в Ленинграде степень доктора биологических наук, минуя кандидатскую степень.

Расскажу о поездке на Гору в шестьдесят пятом году. В январе умерла моя мама после тяжёлой болезни. А вскоре заболел Петя – менингоэнцефалит. Захватили быстро, положили в больницу, и он поправился, но посоветовали побыть с ним на природе. Я договорилась с Сергеем Владимировичем, приехала с детьми, обрабатывала семена огурцов гетероауксином. Так что совместила приятное с полезным. От занятий была свободна: получила на этот год творческий отпуск для написания и защиты диссертации. В декабре должна была защититься, а писать к тому времени ещё не начинала. Взяла с собой два мешка книг для работы, и на такси мы отправились на Гору. Меня (нас) встретили тепло сотрудники станции, потеснились, выделили маленькую комнатку. Галичья гора замечательное место. Реликтовые растения, сохранившиеся с доледникового периода, размещались на известковых скалах противоположного берега Дона. Они маленькие, на непосвящённого человека впечатления не производят. А скалы интересные. Одна скала зовётся «Язык». Она и правда похожа на язык, выступает над Доном (фото 10).

Фото 10. Галичья гора. Скала «Язык»

Другая знаменита тем, что в профиль похожа на голову богатыря, так и называется «Богатырь» (фото 11).

На той же стороне, что и станция, тогда стояли два небольших домика, конечно, с печным отоплением, даже без воды, её привозили в бочке на лошади, гора называется Морозовой. Она покрыта растениями, без известняка. Около зданий вырос молодой лесок. Во время войны его не было, здесь находилась линия обороны – всё изрыто окопами, а за леском – простор. Далеко виден Дон с широкими песчаными отмелями и другой берег, где за известковыми скалами с растущими реликтами – квадраты посевов хлеба и других культур. Когда читаю Паустовского «Ильин омут», вспоминаю Морозову гору за леском и видный с неё простор.

Фото 11. Галичья гора. Скала «Богатырь»

Место очень красивое и замечательное запахами трав. Нигде и никогда такого густого запаха, что, казалось, его можно взять в руки – не встречала. Не раз бывала на Горе, всегда этому радовалась. Хорошо спускаться бегом по бывшему окопу к Дону через лесок. Вокруг стеной стоят травы, особенно колокольчики запомнились: высокая сиреневая стена с двух сторон. Под ногами пружинит многолетняя листва, пахнет грибами. В тот год особенно много было грибов, даже в этом лесочке. Каждый день собирала маленькие (забыла название) грибки, вкусные и в супе, и поджаренные. Иногда мы ходили в лес. Настоящий лес, километров в двух-трех от нас. По дороге проходили через посадки, точнее – посеы сосны. Молодые деревца высотой чуть выше нашего колена не мешали идти.

В смешанном лесу росли разные грибы. Особенно много в тот год было лисичек. Там Петя нашел поляну с ведьминым кругом из лисичек. Как мне теперь кажется, не меньше четырех метров в диаметре. Широкой лентой росли лисички разного возраста – большие, с тарелку и маленькие. Сначала мы опешили от такого обилия роскошных грибов. Пришлось опорожнить корзинки от невзрачных старых подберёзовиков и прочих, набрать молодых лисичек. Было нас человек пять, не считая детей, набрали полные корзины, а грибов в круге будто и не убавилось – такое большое ведьмино кольцо.

Не могу не сказать о нашем увлечении: у Тонечки здесь был проигрыватель и множество пластинок. Особенно часто мы слушали второй концерт для фортепиано Рахманинова – замечательная музыка. Здесь, на просторе, среди тишины, запахов трав, по вечерам особенно звучала классика. И родилась она, я уверена, в таких условиях. Не случайно *тяжелый рок* присущ крупному городу, где не могло и быть иной музыки, ведь композитор слушает природу, окружение, отсюда берёт звучание: то, что слышит... Тонечка – Антонина Ивановна – молодой кандидат наук, специалист по грибам и грибным болезням растений, очень добрая и красивая.

Отвлекаясь в сторону, хочу рассказать про забавный случай, происшедшей не на Галичье горе, но в связи с ней. Это было раньше, когда деканом был ещё Сергей Иванович Машкин. Между Липецком и нашим университетом произошла «ссора»: Липецк хотел забрать заповедник себе: расположен в Липецкой области. Требовалось отвезти документы в Министерство и доказать, что он необходим университету. Декан послал меня. Приехала я в Москву. На другой день посещение Министерства, а сегодня отправилась в магазины купить себе сапоги. Надо было постоять в очереди, и я боялась, что мне не достанутся приглянувшиеся коричневые, на низких каблуках – то, что мне нужно, а их всего одна пара. К радости (на самом деле – к огорчению), сапоги мне достались. На следующий день я и отправилась в них по кабинетам министерства доказывать необходимость заповедника университету. Решался вопрос, как, наверно и всегда – в кабинетах. Министру дается на подпись уже подготовленный приказ помощниками.

В то время у меня была доха – шуба из чёрной овчины, широкая и длинная, ниже колена, сдала её в гардероб. Хожу я из одного кабинета в другой, разговариваю, доказываю, меня внимательно слушают, посылают для согласования в

другие кабинеты... И возвращаясь в некоторые комнаты, чувствую какой-то запах, похожий на тот, которым травят тараканов. Думаю: неужели не могли потравить тараканов в пятницу вечером, чтобы к понедельнику выветрилось – работать в таких условиях трудно.

Получила обнадеживающие ответы, подхожу получать пальто, а меня гардеробщица спрашивает, не сдавала ли я шубу на зиму в ломбард – очень уж от неё запах сильный. И оказалось, что «травила» работников министерства я: запах шёл от моих красивых, удобных сапог. А поскольку шуба соприкасалась с сапогами, когда я шла, запах исходил и от шубы. Чем я только ни выводила этот «аромат», – ничто его не брало, так и пришлось сапоги выбросить. Химики сказали, что это от клея при изготовлении сапог: ничего сделать нельзя.

Несколько лет я на Галичьей горе обрабатывала гетероауксином семена огурцов, их выращивали на пойме. Оказалось, поспевают раньше и первые сборы почти в два раза больше, чем в контроле – без обработки семян. Правда, последующие сборы дают уже не такую большую разницу, но в целом прибавка неплохая. К тому же плоды содержат больше аскорбиновой кислоты, значит, полезнее.

Земли заповедника расположены в разных местах. Помимо берега Галичьей горы и Морозовой горы, в нескольких десятках километров расположено урочище Плющань, там тоже растут реликты. Кстати, когда мы однажды туда ездили с Сергеем Владимировичем, он показал березу, названную другом в его честь – береза Голицына. Эта разновидность встречается редко, растет и на Плющани. Я не смогла увидеть отличия, для этого нужен специалист-ботаник.

По дороге большие холмы, поросшие полевой клубникой. Минут на десять сделали остановку, «попаслись» – крупная, вкусная и очень много. Ближе нет селений, некому собирать, да и некогда селянам заниматься этим в разгар полевых работ.

Ещё одно заповедное место в другой стороне, называется Воргол. Туда мы ездили с Тонечкой и студентами. Недалеко от села осталось здание, бывшего управляющего, на склоне оврага. Большое двухэтажное кирпичное здание, а наверху яблоневый сад с аллеей, где студенты нашли большой гриб-дождевик – больше человеческой головы. Имение в годы революции сожгли крестьяне. Места, описанные Буниным. Сергей Владимирович предположил, что здание можно бы использовать под контору заповедника, главный «штаб» перенести сюда, чтобы не пустовало здание. Но идею не поддержали: место не очень удобное, кроме здания нет ничего притягательного, а население агрессивно. Вскоре Сергей Владимирович защитил докторскую диссертацию и стал работать на географическом факультете, профессор. А на Галичьей горе сейчас много новых зданий, Гору благоустроили.

Но я хотела обратить внимание на другое. Мы ехали по просёлочным дорогам в грузовой машине, я со студентами в кузове, Тоня указывала путь в кабине. Проезжали мимо небольших селений, где в начале шестидесятых, местами ещё оставались вросшие в землю старые крестьянские дома, покрытые соломой, с маленькими окошками... Так жили до революции крестьяне.

Когда приехали на место, стали рассматривать большой дом управляющего в десяток комнат, студенты с завистью заговорили: «Вот ведь как жили!». Никто не обратил внимания на то, как жили крестьяне – *множество* людей, а *одна семья* управляющего вызвала зависть. Это мне кажется характерным, не думают, что сами скорее могли жить в крестьянских избах, по крайней мере, вероятности в этом значительно больше.

Наверное, вы заметили: в жизни бывают незначительные случаи, они не влияют на её течение, не сказываются на окружающих, но запоминаются. И от этих воспоминаний становится теплее. Таким случаем была поездка на Галичьей горе с Тонечкой и Сергеем Владимировичем: бывший морской офицер поката нас на лодке по Дону. Не помню, чтобы она преследовала научную цель, просто – прогулка, что, кстати, было совсем не характерно для всех нас.

Отправились в «поход» по солнышку. Когда плыли туда, сверкала под солнцем рябь на воде, радовала своей красотой. Особенно трудно передать чувство при возвращении, уже в темноте. На воде отражаются звёзды, луна... Лунная дорожка указывает путь, а тёплый воздух такой, что не надышишься! Все травы вечером пахнут сильнее, их смесь даёт особенный аромат...

Часто думаю, как всё это важно нам, вот такие моменты. Где-то сидит в нас, сохраняется эта радость от встреч с прекрасным, с хорошими людьми... Воспоминание помогает в непростые минуты, даже незаметно для нас.

Киев

В начале девяностых побывала в Киеве, в институте, ботаники. Поездила на автобусе по городу, побывала у Днепра, посмотрела на Золотые ворота. Спустилась по Крещатику, мимо красивых, каскадом, фонтанов, была у памятника Богдану Хмельницкому. Деловая часть поездки запомнилась плохо, только очень милые люди, работники института. Из этой поездки привезла книгу: «Рассказы бабушки» – Выпущена в Ленинграде, в 1989 году, 472 стр. Это переиздание, дополненное современными комментариями группой учёных, под председательством Д.С. Лихачева. Впервые воспоминания стали публиковаться в 1877 году, отдельной книгой вышли в 1885 году в Санкт-Петербурге. Издание А.С. Суворина. Воспоминания пяти поколений, записанные и собранные бабушкиным внуком Д. Благово. Бабушка, дочь Петра Михайловича Римского-Корсакова родилась 29 марта 1768 года. Записки очень интересные, говорят о жизни высшего света. Сплетни, отнюдь не претендующие на строгую историческую достоверность, только как воспринимала бабушка окружающее, жизнь света. Но мне кажется, книга этим и интересна. Известные по историческим сведениям люди (историк Карамзин, Долгоруковы, Вяземские, Трубецкие и др.) показаны так, как воспринимала их знакомая – сверстница, или по рассказам родных.

Но это я убежала далеко вперед, почти на два десятилетия.

Кишинёв

Вернусь назад – из девяностого в шестьдесят восьмой. Время поездки в Кишинёв запомнила хорошо – там проходила конференция, на которой выступала с результатами исследований регуляторов, синтезированных в лабораториях профессора Ф.Г. Пономарева и профессора Б.И. Михантьева. Ездили мы вместе с Федором Гавриловичем и молодыми Михантьевыми – Володей и Ольгой. В Кишинёве запомнилось название улиц на двух языках – наверху – русском и ниже – молдавском, что мне показалось неправильным, ведь это *их* республика. Запомнилось много винограда, очень сладкого, крупного, несколько килограмм привезла домой. Вообще тогда и в Воронеже можно было купить молдавский крупный виноград не дорого – по рублю за килограмм. А вот цену в Кишинёве не запомнила, кажется, не такая большая разница – просто «сувенир» молдавский.

Моим добровольным гидом стал живший в Кишинёве румын. И я поняла, что всё там не так просто, часть жителей не прочь, чтобы Молдавия вошла в состав Румынии. Может потому, что в Кишинёве живет довольно много румын. Я побывала на выставке достижений республики, подобной нашей ВДНХ. Хорошая выставка, там тоже часть работников румыны. Благодаря моему гиду побывала и в других местах Кишинёва. Наше знакомство имело продолжение. Он писал кандидатскую диссертацию, просил ему помочь.

И на другой год приехал в Воронеж, с ящиком фруктов, маленькой бутылочкой коньяка и рукописью. Несколько дней жил в гостинице, а я читала рукопись. Мне не очень понравилось, сделала ряд замечаний и дала ему книги – Сабинина, которой дорожила, вторую не помню, какую. Вскоре мы получили квартиру, переехали, и я потеряла связь с этим румыном. Пропали и мои книги. Думаю, его забота обо мне была связана с моей фамилией – Эрдели. Фамилия венгерская, а в Румынии есть автономная область венгерская – Трансильвания. Серёжина дочка, моя внучка – Галина Сергеевна Эрдели, недавно раскопала по интернету сведения о нашей фамилии. Предки моего мужа выехали в Россию из Трансильвании в 1740 году, земля, где они жили, называлась Эрдели. Потомственные дворяне дали начало всем нынешним Эрдели, живущим в России. Более известна Херсонская ветвь, предки мужа – из Смоленских Эрдели, Кронид и родился в Смоленске.

Ленинград

Следующая поездка – в Ленинград. Первый раз побывала в Ленинграде летом семидесятого года – приезжала к студентке, она в ботаническом институте проходила практику, и ставила опыты по моей теме – изучала влияние растительных гормонов ауксина и гиббереллина на фотохимическую активность и движение хлоропластов в листьях элодеи.

Уже на вокзале произвел впечатление воздух – особенный, морской, но не такой, как на юге. Поезд пришел рано утром, около пяти часов. Сдала вещи в камеру хранения и отправилась пешком по легендарному Невскому. Но не налево, к центру, а направо, дошла до тупика – кладбища – Лавры, правда, туда

входа не было. Повернула обратно, прошла весь Невский, где всё поражает, всё старина и вместе с тем, знакомо по описанию. После окончания техникума в Славянской, руководство мне подарило, с надписью, книгу Ольги Форш «Михайловский замок». Я много ходила по городу, знакомилась с местами, известными мне по роману. И ещё повезло. В столовой подарили книжку о Ленинграде – путеводитель. Мы сидели за одним столиком с пожилой женщиной. Она с внучкой лет двенадцати, приезжала в Ленинград, и собиралась в тот день уезжать обратно. Когда узнала, что я первый раз в городе и ещё ничего не видела, отдала эту книжку. Я и сейчас вспоминаю женщину с благодарностью. После того несколько раз бывала в Ленинграде, ездили туда и мой сын Серёжа и внучка Галя, тоже с этой книжкой.

Лаборатория БИНа им. Комарова АН СССР расположена в одноэтажных зданиях петровского времени. Замечательные люди – настоящие исследователи, доброжелательные, умные...

Рядом – «огород Петра первого» – заложенный Петром ботанический сад, в нём главное – теплицы, оранжереи.

Город – памятник не только петровской эпохи, но и близкого времени – блокады во время Отечественной войны. На стене сохранилась надпись того времени, предупреждающая, что эта сторона обстреливается, там всегда живые цветы. Заходила во дворы – каменные «мешки», «колодцы» – одни камни, окруженные каменными зданиями со всех сторон. Можно было себе представить, как им приходилось – нигде ни травинки! О Ленинграде можно писать много, но это уже всем известно по литографиям – и кони на Аничковом мосту, и памятники – Петру, Екатерине, Крылову... Мне очень понравилась трава в парках – зелёная, как нигде больше. Там много влаги и не жарко. Родились строчки: «Диалектика света и тени особенно заметна в парках Ленинграда. Солнечные нити сквозь густую листву прядями провисли до земли, золотят зелень травы. Ветер покачивает кроны деревьев, смещает границы света и тени, грусти и радости: плетёт солнечные кружева».

Там на улице, на мокром асфальте увидела листик комнатного цветка, забыла как он называется. Подняла, привезла домой. С тех пор это растение с толстыми листьями, изогнутым стеблем, живет и радуется красотой и тёплыми воспоминаниями.

В Ленинграде с тех пор бывала несколько раз – возила студентов третьего курса на недельную практику, знакомство с НИИ Москвы и Ленинграда. Мы уезжали вечером из Воронежа, следующий день проводили в Москве, в институте физиологии растений, ботаническом саду, ходили по городу, вечером уезжали в Ленинград. Нас встречала, точнее – ждала, – в Ленинградском университете родственная кафедра, устраивали в общежитии под Ленинградом.

За эти дни мы знакомились с университетом, ботаническим институтом, институтом растениеводства (ВИР им Вавилова), ездили в Пушкино, Петродворец, любовались фонтанами... Принимал нас как-то в агрофизическом институте профессор Б.Ф. Мошков – специалист по фотопериодизму растений. Показывал свои опыты с пшеницей. В почвенных сосудах у него пшеница была во много раз урожайнее, чем в поле. Он давал ей значительно большую площадь

питания – сеял редко, и выросло в несколько раз больше колосьев, чем в поле. Правда, он сам говорил, что это нерентабельно – надо полоть, что обойдется в *копеечку*. Но важно, что растение может дать урожай значительно более высокий – генетически это возможно.

Рассказал про случай, происшедший у нас с Португалией. Тогда там стало правительство дружелюбное к нашей стране, и мы оказали помощь: подарили семена высокоурожайного сорта пшеницы для посева на значительной площади. Семена хорошо взошли, растения прекрасно росли, но не зацвели и, конечно, урожая португальцы не получили.

Обратились за разъяснениями к профессору: скандал, чье-то вредительство? А он разъяснил – у нас другой часовой пояс, другая длина дня. Летом в Португалии растения не прошли фотопериодической стадии развития, потому и не зацвели. (Все знают: хризантемы у нас зацветают обычно в конце лета, а высеянный летом редис даёт не корнеплод, а семена. Хризантема – растение *короткого дня*, а редис – *длинного*. Им нужна разная длина дня, чтобы перейти к цветению. Точнее, – редису нужен длинный световой период, а хризантеме – короткий, ей нужна длительная темнота).

В печати это событие не освещалось, скандал как-то замяли...

Ещё хорошо запомнилось, как мы со студентами попали на празднование окончания школы, и по Неве прошёл парад яхт, с красными парусами. Красиво, но парад начался поздно, после разведения мостов, и все электрички уже ушли, а нам нужно ехать в общежитие за город. Хорошо, что у нас было два студента – Миша и Петя, они сумели договориться с таксистами и нас на двух машинах, куда мы едва уместились, отвезли в наше общежитие в Петергоф.

На пристани парад яхт приветствовало много выпускников школ. И заметно было их отличие от наших – слишком вольное общение. После окончания на газоне осталось много бутылок, бумаги...

Там в сельскохозяйственном институте я познакомилась с Быковым, с ним долго переписывалась. А он заочно познакомил меня с Воробейковым, для него я передала Тебепас, и он в вегетационных почвенных культурах проводил интересную работу: показал, что препарат повышает устойчивость к недостатку воды, устойчивость к засухе. Это подтвердило наши лабораторные опыты. Поскольку он проводил опыты самостоятельно, независимо от нас, это повысило правильность наших выводов.

Несколько лет я возила студентов, затем меня сменили на кафедре, а вскоре поездки прекратились: «перестройка» не дала денег на такую практику.

Расскажу про случай в одной из поездок со студентами. Туда мы ехали через Москву, а обратно – прямым поездом в Воронеж. Поскольку с продуктами в Воронеже бывало не очень хорошо – дороговато, всегда старалась из Москвы привозить дешёвое мясо, иной дефицит. Вот и в Ленинграде купила килограмма четыре мяса, упаковала. По совету друзей в мясо положила много горчичников (горчица – прекрасный антисептик), завернула в газеты, пакеты полиэтиленовые, в сумку. Поехали. Ехать до Воронежа немного больше суток, а погода жаркая. Подъезжаем к вокзалу, решила проверить, как там мясо: заглянула в сумку, а оттуда – запах несвежего мяса. Ну, думаю, всё пропало – может вы-

бросить сумку по дороге, не тащить тяжёлое до дома? Всё-таки решила довести домой. Приехала домой, раскрываю пакеты, а там снаружи лежит маленький кусочек мяса, как-то оказался отдельно от остального. Он и издавал такой запах, а остальное, лежавшее с горчицей, было совсем свежим. С тех пор сама даю такие советы – хранить мясное с горчицей. Может, кому-нибудь совет пригодится? Горечи совсем не чувствуется, этого бояться не надо.

Ярославль

Яркое впечатление от конференции в Ярославле (1978 год). Проводили конференцию с педагогическими институтами страны. О докладах говорить не буду, вряд ли интересно неспециалистам. Интересно другое. Нам устроили экскурсии. Одна из них – в Ростов Великий, недалеко от Ярославля, где озеро Неро. Это там снимали фильм «Иван Васильевич меняет профессию». Особенно приятно вспоминать нашу трапезу в таких же больших палатах. Во всю комнату протянулся стол, за который мы уселись с двух сторон. У каждого тарелка с половиной большого жареного леща из своего озера. Что на гарнир – не помню.

Белые здания снаружи и внутри могли бы настроить на особый лад, но к нашему можно сказать – негодованию – всем это было неприятно, в одном из зданий устроили ресторан с музыкой ресторанного типа. Там проводят и свадьбы. Думаю, теперь этого нет. И это единственное, что я отмечаю как положительное за годы «перестройки» и ельцинской контрреволюции.

В другой раз нас отвезли в Карабиху – бывшее имение Некрасова. Стояла осень, самое её начало, когда листья ещё на деревьях, но уже поменяли цвет. Двор усадьбы окружали клёны. Роскошные деревья – высокие, с густой кроной. «Пышные клёны, осенние клёны – под солнцем пылают, без солнца – горят. Кончилось лето, – напоминают, сердце сжимают, глаз веселят». Под солнцем особенно «пылали» красновато-жёлтые листья. Ветер гнал по небу облака, они временами заслоняли солнце, но листва клёнов всё еще оставалась очень яркой.

В гостиной больше всего понравилось старое кресло с потёртой кожей, на нём сидел Некрасов. Может это старое кресло дало ощущение не музейности, почти одушевлённости былого...

Пушино на Оке

В шестидесятых – семидесятых годах прошлого столетия на крутом берегу Оки построили научный городок для биологов. Недалеко, совсем недалеко – Москва, от Серпухова автобусом 25 км, но стал ходить в Москву и автобус. Вместе со зданиями, оборудованными по последнему слову науки приборами, построили и дома, где жили молодые учёные. Там собрали талантливую, увлечённую молодежь, создали все условия для занятия наукой и отдыха. Даже не регламентировали рабочий день. Можно было в середине дня устроить себе перерыв, летом – искупаться в реке, отдохнуть, а потом сидеть за лабораторным столом, за приборами, сколько хочешь, хоть всю ночь. Была, конечно, и прекрасная библиотека.

Я бывала в Пушкино не раз. Там часто проводили конференции совместно с институтом физиологии растений для учёных всей страны.

Зимой иногда проводили *школы* для специалистов, где обсуждались проблемы биологии. Знаменит своими исследованиями по заменителю крови институт белка, многое сделано в институтах биофизики, почвоведения и фотосинтеза. В камерах фитотрона получали урожай томатов за год с одного квадратного метра – 400 килограммов плодов. Там работала и моя бывшая дипломница Неля Куренная – Чугунова. Кандидатом наук она стала в аспирантуре у Наталии Ивановны. Почему-то в последний год я не получила от неё и мужа открытки. Все годы, больше сорока лет мы общались. Особенно, когда я приезжала в Пушкино.

Красивое место – простор. Там снимали фильм «Пьеса для механического пианино». На склоне холма у реки старый дом, он выглядел совсем не жилым, да в нём никто и не жил...

Молодежь любила не только работать, умела и шутить. Там я выписала из стенгазеты шутку: «При конституционной монархии взаимоотношения при дворе подобны взаимоотношениям в курятнике. В курятнике *царствует* петух. Царствует, но – не правит. *Правят* в курятнике три пожилые курицы – три министерши, правят они и в сердце петуха. Правят, но – не царствуют. В сердце петуха царствуют молодые курицы. Только им, только молодым курочкам принадлежит сердце петуха, и они там царствуют. *Царствуют, но – не правят*».

Впервые видела там и литографии рисунков Босха. Не скажу, что они мне понравились. Это деревья-люди. Передать трудно – деревья переплетаются с человеком, он оплетён ветвями так, что непонятно, где кончается человек, где начинается (кончается) ветвь дерева. Мне кажется, больше ни у кого из художников не встречала подобное. (В Дрездене видела подлинники Босха).

Пушкино знаменито и тем, что там «родились» певцы Никитины. Они там стали кандидатами биологических наук, биофизики. Занимались самодеятельностью, очень талантливые певцы, со своей манерой петь, особенно хороши дуэтом. На одной из конференций перед нами выступал Никитин, Таня почему-то не смогла участвовать в концерте. Прекрасное исполнение, душевное, иногда ироничное. Хорошо, что «ушли» на сцену, радуют многих. Правда, теперь они уже не молоды, но слушать их по-прежнему – большая радость.

Уфа

В университете Уфы среди биологов произошло непонимание, ссора. Потребовалось вмешательство Министерства. Министерство создало комиссию для выяснения вопроса, и если можно, примирения сторон. Два человека от Ленинградского университета – профессор Полевой и доцент Иркаева – генетик. Одного человека послали от ВГУ, и бывший тогда ректором профессор В.В. Гусев направил меня, тем более, что там требовался физиолог растений, связанный с регуляцией роста.

Я появилась позже, когда ленинградцы уже приехали, – поезд из Воронежа ходил через день. Во главе нашей комиссии, как и следовало ожидать, – Всево-

лод Владимирович Полевой. Он распределил наши обязанности, встречи с разными людьми. Очень доброжелательно работала наша комиссия: спорщики – заслуженные учёные, хорошие люди, известные по публикациям многим не только в нашей стране.

Как мне потом призналась Иркаева, они боялись меня – какая я, но когда вошла, сразу поняли, что опасаться не надо, не вредная. Удалось примирить обоих, всё прошло благополучно. Во многом помог авторитет Полевого и его отношение. Полевой – один из ведущих физиологов растений, изучающий действие ауксинов: гормонов-стимуляторов роста растений. У него вышел большой учебник по физиологии растений, интересный и содержательный, в издательстве «Высшая школа» в 1989 году, 464 с., с цветными иллюстрациями..

О Полевом надо рассказать отдельно. Он учился в Ленинграде, кажется, это была его родина. Я помнила Полевого со своих студенческих пор, когда приезжала в Москву на конференции. Невысокого роста, худощавый, светловолосый и сероглазый, он казался таким самонадеянным «петушком», отстаивавшим свои взгляды довольно резко. И тогда мне не нравился. Позже знала его по работам. Он считал своим главным научным достижением результаты исследования механизма действия ауксина на молекулярном уровне. А мне больше нравится его подход, как физиолога, к изучению прорастания семян. Он показал, что при прорастании в семенах обмен веществ происходит также, как у нас в желудке. Принципиально иной тип питания – фотосинтез – начинается у проростков на свету. А в семенах, как у нас, идёт переработка органических веществ: распад сложных молекул – жиров, крахмала, белков и образование из них мелких молекул, идущих дальше на образование клеточных структур, на дыхание... И белки-ферменты те же самые.

В Уфе нам однажды пришлось с ним вдвоем возвращаться на трамвае уже по темноте. В полупустом вагоне сидели рядом, разговорились, он рассказывал о своей работе, о себе, и мы проехали свою остановку. Кольцевой маршрут трамвая позволил не выходить, сделать второй круг. И я многое поняла, стала относиться к нему с большим уважением и симпатией, стал нравиться. И ещё поняла, насколько непросты отношения между Москвой и Ленинградом: соперничество, может, что-то другое, своеобразная ревность. Словом, чувства сложные...

Полевой пригласил отметить окончание командировки в буфете гостиницы. Мы с Наташей пришли немного позже, он ждал. На столе вместо вина – крупный виноград «дамские пальчики». Он сказал, что вина не пьет совсем, надеется, что мы не обидимся на такую замену. Конечно, по крайней мере, я, – была рада. Через несколько часов они уехали, мой поезд на другой день, я осталась «зимовать».

В гостинице, куда нас поместили, у меня тоже был отдельный номер – большой, чистый, но – очень холодный. Стоял сентябрь, топить ещё не начинали, а на дворе хоть и солнечно, но холодно, холодно и в комнатах. Потому перед сном приходилось надевать тёплый спортивный костюм, поверх одеяла набрасывать пальто, и всё же долго не могла согреться.

Запомнилось время пребывания в Уфе ещё и потому, что как раз тогда в Чили произошел переворот, убили Сальенде, победил Пиночет (сентябрь 1973 года). Мы спрашивали себя – надолго ли?

Когда уезжала, уже сидела в вагоне, мой попутчик, указывая на вокзал, сказал: «Здесь на вокзале есть ресторан и столовая. Столовая внизу, ресторан – на втором этаже. И ходит поговорка: «Деньги есть, в «Уфе» гуляем, денег нет – в «Чичме» сидим». Так называют столовую и ресторан».

После той командировки я стала привозить в Ленинград своих студентов третьего курса на недельную практику.

У нашего заведующего кафедрой были дружеские отношения с ЛГУ. Их объединяла совместная работа с сотрудниками кафедры, изучавшими влияние на растения недостатка кислорода, Полевой этим не занимался.

Когда мы приезжали (заранее договариваясь), нас встречали, помещали в общежитие. Полевой рассказывал студентам о кафедре и своей работе, сотрудники – о своей. Мы посещали станцию, где проходили вегетационные и лабораторные опыты, в Петергофе. Студентам это было интересно и очень полезно. Мне – тоже. Началась совместная работа и с моими дипломниками.

К большому сожалению несколько лет назад Полевого не стало.

В Ясной Поляне

В начале лета 1975 года побывала в усадьбе Льва Толстого – Ясной Поляне. Университет проводил экскурсию со студентами из ГДР, обучавшимися на филологическом факультете. А к нам на кафедру как раз приехала доцент из того же университета Галле-Виттенберг, чтобы ознакомиться с нашей научной работой, и выявить возможность совместных исследований, Стефани Нойман. И мы присоединились к студентам.

Получилось так, что – вернулись в весну. В Воронеже уже началось лето, деревья покрылись густой листвой, птицы занялись кормлением птенцов, стали меньше петь. А там кроны ещё были прозрачны, воздух – весенний, соловьиные трели слышались со всех сторон даже днём.

Самое сильное впечатление от комнаты графа со сводами – необычная. Думаю, это помогало ему писать.

Возвращались уже по темноте, ночью. В автобусе рядом с нами сидели две женщины, ответственные за экскурсию. И всю дорогу болтали. А так хотелось спать! Постеснялась прервать беседу, и, думаю, правильно: они сидели рядом с водителем, их болтовня помогала ему не задремать.

В Сестрорецке

В январе 1979 года мне дали курсовку в санаторий Сестрорецка, под Ленинградом. Отправилась самолётом. Летели над красивыми кучевыми облаками. Это был первый запомнившийся полёт. Прилетели уже в темноте, ждал автобус, нас, с ещё одной женщиной, отвезли в приёмную санатория, оставили на ночь в большой пустой комнате с несколькими кроватями. Комната явно не

приспособлена для жилья – из окна сильно дуло. А на дворе – мороз сорок градусов. Мы улеглись одетыми, поверх одеяла положили на себя матрасы с пустых кроватей, но всё-таки замерзали. Необычная для Ленинграда погода: 40-42 градуса ниже нуля, говорили, что во многих домах лопнули трубы.

На следующий день утром поместили в квартиры около лечебных корпусов. Там тепло, уютно. Нам много организовали экскурсий. Побывали в Эрмитаже, Русском музее, Исаакии, квартире Пушкина на Мойке. Там я была дважды в разное время, и экскурсоводы по-разному относились к Натали Пушкиной. В первый раз говорили о ней пренебрежительно, укоряя за поэта. Несколько лет спустя уже не корили, одобряли её поведение после смерти Пушкина: она выполнила его предсмертную просьбу – несколько лет жила с детьми в деревне, потом вышла замуж за помещика Ланского.

В армии мне подарили книжку без начала и конца – письма Пушкина к жене. Особенно запомнилось одно: «Люблю тебя мой ангел, но ещё больше люблю твою душу...». Очень берегла, но уже в Воронеже, в пятидесятые, годы книжка пропала – кто-то взял почитать...

Ну, как всегда, отвлеклась в сторону. Корпуса санатория стояли на берегу моря, рядом песчаный пляж, зонты от солнечных лучей. Казалось странным, что здесь бывает тепло, даже жарко и можно купаться в море и загорать. Сейчас берег покрывал тонкий слой снега, мороз превратил в лёд даже море. И стояла особенная тишина. Безветрие полное, что особенно ощущалось на соснах, растущих неподалёку: густой сосновый бор. Высокие сосны, прямые – *корабельный лес*. Обычно вершины сосен слегка колышались от самого малого ветерка, но тогда деревья стояли будто нарисованные. Наверное, потому сильный мороз не казался страшным – не ощущался. Недвижные сосны запомнились как подарок природы, зимы, Ленинграда. Через несколько дней мороз снизился и на экскурсиях уже не донимал.

Запомнилась и столовая: тогда хлеб лежал в тарелках на столах во время завтрака, обеда, ужина. Весь хлеб не съедали, и оставшиеся кусочки мелко резали, солили, делали сухарики. На столах всегда стояли тарелки и с этими сухариками: ещё сохранялась память о блокадном голоде. То же было и в столовых Ленинграда. Наверное, те, кто испытал настоящий голод, на всю жизнь сохранят об этом память и уважение к продуктам, особенно – хлебу. Если есть хлеб, значит, есть и жизнь. До революции это понимали крестьяне – они-то испытывали это часто. Потому собирали даже крошки себе в рот, когда резали хлеб. После «перестройки» нас стараются уверить, что до революции крестьяне жили прекрасно. Ничего не говорят о голоде, который посещал и нашу чернозёмную область раз в несколько лет – из-за засухи, тогда многие умирали от голода. В последнее пятидесятилетие такого страшного голода народ не знал. Отчасти потому, что правительство покупало зерно в других странах. А отчасти потому, что посаженные в конце пятидесятых годов лесополосы стали задерживать снег – сохранять влагу на полях. Перед войной колхозники ставили щиты – снегозадержатели. Раньше снег ничто не задерживало – всё сметал ветер. И если летом не хватало дождей – все посевы от засухи погибали. Страшный голод был в

1896 году. Но правительство даже запрещало помогать крестьянам. (Почитайте в воспоминаниях З. Соколовой: «Наша жизнь в Никольском». А голод 1912 года? Почитайте Бунина, один рассказ «Танька» всё расскажет).

Я с родителями тоже пережила голодное время, хотя не такое страшное, как у тех крестьян. Потому и сейчас не могу видеть, когда пропадают продукты. Можно лишнее отдать животным, птицам, но – выбрасывать в помойку – преступление.

Икорец

Если говорить о санаториях, нужно сказать, что за свою жизнь побывала в них немало, поскольку болела. Тогда заботился профсоюз и государство, нас лечили. Я подсчитала: за время работы в университете, с шестидесятых годов, когда заболела, два раза лечилась в Липецком санатории, один раз в санатории им. Максима Горького, раза четыре – в Икорце, да ещё в санатории Подмосквья – Монино. И два раза в Сочи, один раз в Нафталане... Почти каждое лето отдыхала с детьми, потом с внуком Мишей в спортивном лагере университета Венивитино. Ну, а когда появилась дача, то почти никуда не ездила, никуда не хочу, только – туда. О даче – отдельный разговор (опять отдельный разговор – оказывается о многом ещё нужны *отдельные разговоры*).

Здесь хочу рассказать об Икорце-76. В ноябре семьдесят шестого года уехала в Икорец, где жила в одной палате с замечательным человеком Зинаидой Марковной Голубицкой. Последующие несколько лет мы общались, до самой её кончины: большое сердце. Детский врач, что называется, *от бога* – не только умелая, но и очень добрая. Работала в детской железнодорожной больнице. Познакомила меня с сестрой – Бертой Марковной и её мужем, тоже чудесными людьми, но особенно мы сблизилась с дочкой Берты Марковны Фаиной Исааковной и её мужем Алексеем Викторовичем (фото 12).

**Фото 12. Фаина Исааковна, Алексей Викторович и я
на дне моего рождения 22 декабря 2004 года**

Фаина Исааковна Иванова тоже замечательный детский врач. Очень помогла мне с Петей. Мы регулярно встречались много лет на день моего рождения, встречи продолжаются и сейчас. Но об этом, очень близком мне человеке, тоже надо говорить отдельно...

Львов

Примерно в эти же годы Кефели В.И. устроил проведение «круглого стола» по регуляторам роста во Львове, в университете им. Ивана Франко. Собственно это была репетиция защиты докторской диссертации по регуляторам роста доцентом университета, милой молодой женщины.

Запомнились недалеко от Львова на деревьях кусты омелы – паразита, у нас он не растёт. Старинный город европейского типа. Трамваи, легковые машины медленно двигаются по улицам центра, – раздолье пешеходам! Кладбище почти в центре (а может, так кажется спустя много времени?), с мраморными надгробьями – художественными памятниками, потому нам его и показали. Много просто мраморных плит, поистине - *монументов*, таких огромных, высоких. Это тоже влияние Запада, может – католичества? Позже в Германии видела такие же.

После докладов, в холле гостиницы, старинном здании, провели банкет, свозили нас и на экскурсию в Олесский замок – около поселка Олеско, на семьдесят втором километре от Львова по Киевскому шоссе. Замок известен с 1327 года как крепость на крутом холме, окружённая толстой стеной высотой 10 метров и тогда непроходимыми болотами. Мы увидели музей-заповедник, где находился отдел Львовской картинной галереи, материалы первобытного общества. Вокруг замка большой парк со скульптурами и различными сооружениями.

Произвёл особенное впечатление памятник бойцам Первой конной армии, поставленный в 1976 году около посёлка Олеско: неожиданно из-за поворота дороги наперерез с холма мчится группа металлических конников, передние взмывают в воздух. Ветер их покачивает, кажется, что они мчатся.

Сохранилась ли сейчас эта группа? Нам рассказывали, недалеко селение, где выдали фашистам нашего знаменитого разведчика, о котором много легенд, книги, фильмы...

Минск

Последняя поездка далеко – в Минск 1990 года, на последний съезд физиологов растений Советского союза. Работало много секций, было несколько и моих (с соавторами) докладов. Возили нас на экскурсии: в поместье белорусского поэта Янки Купала, в заповедник к зубрам, в музей дерева. Не помню, может он называется как-то иначе, больше всего понравился этот музей. На окраине села, на просторе, небольшой дом, где собраны деревянные изделия разных эпох и разного назначения – множество вещей, от дровней до мелких поделок, от необходимых в быту, до украшений. А на стене изречение:

*«В берёзовом лесу – любиться,
В сосновом лесу – молиться,
В дубовом лесу – волю ковать,
В еловом лесу – душу чёрту продавать».*

И ещё: в Минске единственный раз в жизни, пила шоколад. Нам сказали, что на одной из улиц в городе есть кафе, (похоже, частное), где очень вкусные домашние пирожные и в чашечке можно выпить шоколад. Ну, разве устоять? Действительно, вкусные пирожные и в маленькой чашечке горячий густой шоколад. Чашечка маленькая, а больше и не надо – не проглотить, очень вкусно, но – сытно.

В Минске побывали в художественном музее, где по пятницам вход свободный для всех, мы как раз и были в пятницу, потому и запомнилось, что с нас не захотели взять деньги. Хороший музей, хороший театр. Там впервые видела постановку, где кулаки показаны с хорошей стороны, раскулачивание, выстрелы и прочее... Не запомнила названия пьесы. Начиналось то, что называли *перестройкой*, но уже по-ельцински. Я жила в одном номере с доцентом из Душанбе, она говорила, что русские теперь стараются уехать в Россию.

Москва

В Москве бывала несчётное число раз, особенно, когда работала преподавателем, доцентом. «Круглые столы» в институте физиологии растений им. Тимирязева АН СССР проводили раза три-четыре в год, да ещё в приезды разных учёных из соседних стран, из Швеции, Франции, ГДР, ФРГ, Англии, США, нас, *регуляторщиков*, приглашали. Расскажу об одной поездке.

Мне дали отпуск для написания и защиты диссертации на целый год, но уже в декабре уехала в Москву дней на двадцать для работы в библиотеке и консультаций с моим научным руководителем – профессором Якушкиной Наталией Ивановной. И оказалась возможность пожить эти дни в пустующей комнате знакомого Наталии Ивановны, в тихой коммунальной квартире. Примечательностью комнаты оказалась большая гора книг, беспорядочно сваленных посреди комнаты. Книг так много, что к дивану, на котором спала, добраться было непросто – мешали книги.

Тогда вспомнился Городок на Березине в сорок четвёртом, только что освобождённый от фашистов. Хозяева спали на печи, мы, девушки КПП – вчетвером, *валетами* на большой кровати, а на полу спали бойцы – вповалку, и, можно сказать – впритирку друг к другу. Когда ночью возвращались с поста, надо было выискивать место, куда поставить ногу.

Конечно, в комнате на Арбате было просторнее, но – похоже.

Днём в библиотеке, у Наталии Ивановны, а вечером не могла удержаться, чтобы не рассмотреть книги. Тогда впервые узнала, что Джордано Бруно – учёный-звездочёт, был и литератором. Содержание прочитанного не помню, что в духе Мольера, но поразила фраза, которую слышала уже не раз, а у Олеси

даже есть книга под названием «Ни дня без строчки». Её высказал один персонаж в пьесе Бруно.

Замечательно мудрая мысль, не даром она приходит значительно позже к разным людям. Наверное, ей больше всего следовал Пришвин, судя по его дневникам. Я пыталась и пытаюсь, но у меня как-то не получается. Наверное, из-за лени, условия сейчас есть. Не зря у писателей, много написавших (А.Толстой, Достоевский, Некрасов, Пришвин) есть прямые высказывания, что если бы не нужда в деньгах, они бы столько не написали.

Мне за то, что пишу, никто не заплатит. Тогда почему же всё-таки пишу? – А не могу иначе! Очень хочется рассказать о времени и о себе как его представителе, про обычную для той эпохи жизнь, через неё можно многое понять. Хочется рассказать и о растениях, ведь я о них много знаю...

Доставляет удовольствие и писать – располагать слова, фразы, что-то переписывать. Паустовскому жаловался Бабель, что, создавая рассказ, переписывает его много, до пятнадцати раз. Что это ему очень тяжело, сердце болит, устаёт. Но если отнять это, он не переживёт.

Я тоже миниатюры переписываю много раз. Иные – раз до тридцати, но всегда с удовольствием. Часто правлю и воспоминания, иногда местами тоже несколько раз, но тоже с удовольствием. Наверное, потому, что пишу мало, когда получается, когда хочется, когда *приходит накат*, как говорил А. Толстой. Но совсем не умею писать рассказы. Не пробовала даже, знаю, что не смогу. Могу лишь *описывать* то, что видела, что пережила сама.

Станица Усть-Бузулукская

Летом 1974 года я ездила к Крониду в Волгоградскую область, где они таксировали леса. Я – больная, усталая, худая. Петя служил в армии, Наташа и Серёжа в студенческих стройотрядах. А мы с Кузькой приехали отдыхать.

Кузька – маленький пёсик смешанных кровей, очень добрый и послушный.

Кронид встретил на вокзале, на мотоцикле привёз в станицу. Первые несколько дней мы жили в здании лесничества, позже Кронид нашёл квартиру с одной хозяйкой, причём она жила в другой комнате, даже с отдельным входом. Правда, в нашей комнате мебели не было совсем, стелили на полу. Но летняя кухня во дворе, там питались, жили с хозяйкой дружно. Она интересная, добрая женщина, ещё не старая, лет около шестидесяти. Мне сначала захотелось жить совсем отдельно, и Кронид отвёз посмотреть пустующий дом в станице Зотовской, стоявшей на берегу Дона. Здесь снимали фильм «Тихий Дон» с Еленой Быстрицкой. Перед станицей высокая круча – холм, с него спускаться на машине, или на телеге, было непросто. Полюбовалась станицей и видом Дона, но решила остаться в Усть-Бузулукской. Позже к нам с Кузькой присоединился Серёжа.

Станица на берегу Хопра – чистой, красивой речки. Первый раз пошли к реке. Около последней хаты во дворе старая женщина стирает в корыте бельишко. Рядом в земле возится мальчуган лет шести. Спрашиваю: «Далеко ли до

речки?». В ответ два голоса разом: один от корыта, протяжный: «Ох, далече...». И быстрый, с земли: «Речка рядом, только лужок перебежать!».

До реки надо было пройти через большой луг. Сначала путь мне, как и той женщине, казался очень длинным, а под конец, когда отдохнула, уже приятным.

В этой станице был кооперативный магазин, где можно купить все продукты, их сдавали жители села «на комиссию». Особенно хороши были сливки. Сливки, думаю, больше всего помогли поправиться мне и кошке хозяйки. Безымянная кошка с облезлой шерстью, худая, обладала отменным аппетитом, и мы с ней стали соревноваться, кто скорее поправится. Я обогнала кошку, в конце пребывания уже и поправились и стала чувствовать себя сильнее. У кошки ещё оставался тощим хвост. Приехавшая Наташа докончила её поправку.

Наташа приехала уже в самом конце, после того, как мы с Серёжей уехали домой... Перед отъездом Кронид свозил нас с Серёжей на плотину – величественное зрелище, и в Волгоград, на Мамаев курган. Рассказывать о памятнике не буду – известен по открыткам. Город растянулся вдоль Волги, длинной полосой.

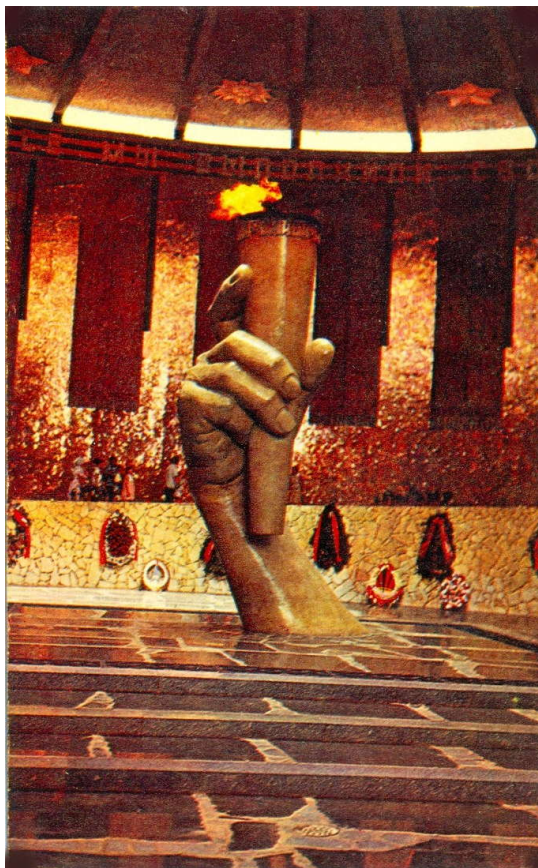
Обилие очень больших скульптур на меня производит впечатление, когда они далеко. Но большая рука с факелом, перечень фамилий внутри мемориала – действует сильно (фото 13).

Из скульптур мне показалась сильнее всего – Победа, с мечом, и женщина, державшая на руках ребёнка...

На этом описание своих путешествий теперь, когда пишу, – по бывшему Советскому Союзу, – закончу. Теперь это путешествия и по России, и по Грузии, Азербайджану, Украине, Белоруссии, Молдавии...

Наверное, (не спрашиваю – утверждаю) написано далеко не всё, что может вспомниться. Может, допишу, а может, и нет. Если из написанного что-нибудь, кому-нибудь покажется интересным, – буду рада.

До свидания, мои путевые заметки!...

**Фото 13. Волгоград, Мамаев курган.
Зал Воинской Славы**

СОДЕРЖАНИЕ

ПО МОЕЙ СТРАНЕ	4
Поездки к морю	4
Рабочий посёлок Кудепста	4
В Одессе	6
Сочи, санаторий	7
Поездка в Нафталан	13
Ялта	15
В Дербенте	16
Станица Отрадоольгинская	18
На родине предков и Сталина	20
Лесалидзе	32
ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СУШЕ	33
В Сибири	33
Поездка на Север	34
Саранск, Болдино	36
Галичья гора	36
Киев	40
Кишинёв	41
Ленинград	41
Ярославль	44
Пушино на Оке	44
Уфа	45
В Ясной Поляне	47
В Сестрорецке	47
Икорец	49
Львов	50
Минск	50
Москва	51
Станица Усть-Бузулукская	52